

261674

0

12 V
798

МИОИЧЕСКОМЪ ЗНАЧЕНІИ

НѢКОТОРЫХЪ ОБРЯДОВЪ И ПОВѢРІЙ.

25

ВЪНТРИ

СОЧИНЕНІЕ

А. А. Потебни:

1734

324

МОСКВА.

ВЪ УНИВЕРСИТЕТСКОЙ ТИПОГРАФИИ (КАТРОВЪ И К°),

НА СТРАСТНОМЪ БУЛЬВАРѢ.

1865.

Презерено
ЛНБ 1939

К
ЦЕНТРАЛЬНАЯ
БИБЛИОТЕКА
ИМ. М. 261674

59

324

12 15
798

О

МИОИЧЕСКОМЪ ЗНАЧЕНИИ НѢКОТОРЫХЪ ОБРЯДОВЪ И ПОВѢРІЙ.

І. Рождественскіе обряды.

1. У Сербовъ и Хорватовъ сочельникъ называется «бадѣнъ данъ, бадѣнъ вече», по тому что въ этотъ день вечеромъ жгутъ баднякъ, ¹ сырое дубовое полѣно (сирова церова главня). Въ этотъ день многіе рубятъ бадняки до солнца, посыпавши ихъ сначала зерномъ и сказавши: «Добро утро и честить ти бадни данъ!» Въ Герцеговинѣ, гдѣ избы большія, и бадняки такъ велики, что ихъ ввозятъ въ избу на трехъ, или четырехъ, парахъ воловъ. Въ другихъ мѣстахъ самъ хозяинъ вноситъ ихъ въ избу, непременно послѣ сумерекъ. Войдя въ избу, хозяинъ говоритъ: «Добаръ вече и честить вамъ бадни данъ!» Въ отвѣтъ на это кто ни будь изъ мужчинъ, находящихся въ избѣ, посылаетъ его зерномъ и говоритъ: «Дао ти Богъ добро, сретни и честити!» Въ Риснѣ (близъ Котора) украшаютъ бадняки лавромъ; въ Цермницѣ (въ Черногоріи) тотъ, кто ихъ внесетъ, беретъ чару вина, привѣтствуетъ ихъ такъ, какъ человѣка, которому передаютъ чашу («наздрави имъ», т. е., скажетъ: «Здравъ буди», или «Спасуй се!») и, напившись самъ, поить, т. е., поливаетъ и ихъ. За тѣмъ кладется на огнище сначала большой баднякъ впоперекъ, потомъ на него пять мень-

¹ Баднякъ одного корня съ Серб. баданъ, м. р., выдолбленная колода, сквозь которую течетъ вода на колесо небольшой мельницы (кашичара), Русск. бадья, Пол. badel, badył, стволъ растенія. Основное знач. видно въ гл. бести, боду, Лит. badau, badyti, колоть (ср. колоть и колода). Скр. badh, бить

шихъ. Меньшій баднякъ называется баднячица или блажена палица.²

Бадняки горятъ, по крайней мѣрѣ въ Славоніи въ теченіи первыхъ двухъ дней Рождества.³

Утромъ въ первый день Рождества прежде всѣхъ является въ домъ полажайникъ.⁴ Въ рукавицѣ несетъ онъ зерно, которымъ посыпаетъ находящихся въ избѣ, сказавши предварительно: «Христосъ се роди!» Изъ избы кто ни будь посыпаетъ его и отвѣчаетъ: «Ва истину роди!» Тогда полажайникъ «скреше бадняке», т. е., беретъ ожегъ (ватраль), бьетъ имъ бадняки такъ, чтобъ сыпались искры и говоритъ: «Столько (сколько искръ) воловъ, столько коней, столько козъ, столько овецъ, столько свиней, столько ульевъ, столько счастья и благополучія («оволико сrete и напретка»)! Потомъ онъ разгребаетъ золу на очагъ и кладетъ туда нѣсколько мелкихъ монетъ, смотря по состоянію.

Когда перегоритъ баднякъ, нужно, надѣвши рукавицы, взять его за верхній конецъ, обнести около ульевъ, и потомъ, погасивши, оставить на какой ни будь молодой сливѣ, или яблонѣ (очевидно, чтобъ велись плоды и родились деревья). Верхушку дерева, изъ котораго вырубленъ баднякъ, коегдѣ употребляютъ вмѣсто кочерги до прихода полажайника, а потомъ хозяйка навязываетъ на нее горсть (повѣсмо) льну и бросаетъ на стрѣху (чтобъ ленъ родилъ?). Углемъ отъ бадняка мажутъ больныя смоковницы.⁵

Приведенные обряды въ главныхъ чертахъ совершенно ясны. Дубъ, какъ извѣстно, посвященъ божеству грома. Баднякъ принимается даже не за символъ этого божества, а какъ бы за его

² Карадж. Рѣчн. «Кадъ се баднякъ мете на ватру, трипутъ се помакне у напредакъ». Можетъ быть за тѣмъ, чтобъ была въ дому «срета и напредакъ» Ср. «Ако удари липса (падежъ) у стоку, Црногорацъ зове свештеника, те закрсти водицу и очата молитву, али торъ (огорожу, завору для скота) мора помати, и то не натрагъ, веть наприедъ.» Медаковичъ. Животъ и обич Црногор. У Нов. Саду. 1861, 27.

³ IIIc, 96.

⁴ Полазникъ; полазити кого, навѣститъ.

⁵ Карадж. Рѣчн.

воплощеніе: къ нему обращаются съ привѣтствіемъ, какъ къ человеку; ему передаютъ чашу, его обсыпаютъ, какъ людей. О значеніи обсыпанья и обливанья скажемъ ниже, а теперь только замѣтимъ, что эти обряды тождественны между собою и имѣютъ въ основаніи представленіе небесной воды, носимой и изливаемой тучами. Обрядъ напаянья бадняка изображаетъ, вѣроятно, мифъ, соотвѣтствующій одной изъ формъ Индійскаго миеа, по которому Индра (= Скандинавскому Тору, Славянскому Перуну) пьетъ небесную воду, представляемую то молокомъ небесныхъ коровъ (тучъ), то особеннымъ напиткомъ безсмертія (Сома, амрита), имѣющимъ, впрочемъ, тѣсную связь съ молокомъ. Небесный огонь, изображаемый огнемъ, горящимъ на очагѣ, даетъ, какъ видно изъ приведенныхъ выше обычаевъ, изобиліе скота, пчелъ, плодовъ, а людямъ счастье и благополучіе.

Сербскому бадняку соотвѣтствуетъ у Германцевъ Нѣмецкій Weinachtsblock, Winnachtsploech, Скандинавскій Julblock, Англійскій Yuleclog; но особенно замѣчательно сходство упомянутыхъ Славянскихъ обычаевъ съ сохранившимися до сихъ поръ во Франціи, сходство, доказывающее, что эти обычаи древнѣе выдѣленія Славянскаго племени. Вечеромъ, на канунъ Рождества, около Марсели старшій въ семействѣ выводитъ младшее изъ дѣтей за двери дома, гдѣ сложено большое полѣно оливковаго, или другаго плодоваго, дерева, которое зовется Calignaou. Дитя трижды поливаетъ виномъ это полѣно, при чемъ произноситъ слѣдующія слова:

«Alegre, Diou nous alegre,
Cachofué ven, tous ben ven» и пр.

(т. е., Soyons joyeux, Dieu nous rend joyeux, Il feu caché vient, tout bien vien). (Отсюда видно, что зажиганье новаго огня, приносящаго съ собою всякія блага, представляется не рожденіемъ, какъ можно бы думать, а возвращеніемъ откуда-то). За тѣмъ старикъ съ ребенкомъ вносятъ то полѣно въ домъ и кладутъ на очагъ. Въ Перигорѣ (Perigord) баднякъ (la souche de Noël) бываетъ обыкновенно изъ сливнаго, вишневаго, или дубоваго дерева, и чѣмъ онъ больше, тѣмъ лучше. Въ Вьеннѣ (Vienne) хозяинъ самъ, въ присутствіи домочадцевъ, посыпаетъ баднякъ (tison de Noël) солью и поливаетъ водою, за тѣмъ кладетъ его

на очагъ, гдѣ онъ горитъ въ теченіе трехъ дней праздника. Нѣкоторые думаютъ, что у нихъ будетъ въ слѣдующемъ году столько цыплятъ, сколько посыплется искръ изъ потрясенной головки Рождественскаго полѣна. Другіе кладутъ эту головню подъ кровать, для предохраненія себя отъ насѣкомыхъ. Уголья и зола бадняка исцѣляютъ болѣзни людей и скота, даютъ плодородіе домашней птицѣ и сѣменамъ, зола бѣлитъ бѣлье и предохраняетъ все хозяйство отъ несчастья. Сербскому обычаю обносить головню около ульевъ и оставлять въ саду соответствуетъ Французскій—обжигать поля и сады съ горящими соломенными факелами, обжигая мохъ на деревьяхъ (*la fête des brandons*). Считаютъ хорошимъ признакомъ, если Рождественскій огонь горитъ свѣтло. Какъ и у Сербовъ, *la souche de Noël* считается священнымъ существомъ: кто сядетъ на это полѣно, тотъ наказывается извѣстною болѣзнію (*furuncle*, слово сродное съ *feu*), какъ и у насъ: кто плюнетъ на огонь, у того огникъ выскочитъ. Очень важно, что въ разныхъ мѣстахъ Франціи сохраняютъ Рождественскую головню и зажигаютъ ее во время грозы.⁶ Это средство отъ громоваго удара основано, подобно множеству другихъ народныхъ средствъ, на правилѣ: *similia similibus curantur*, и доказываетъ связь бадняка съ громомъ.

Основываясь на подобномъ повѣрью о свѣчахъ, мы видимъ и въ Рождественскихъ свѣчахъ образъ небснаго огня тучъ.

Въ Славоніи, на канунъ Рождества, когда вся семья соберется къ ужину, передъ молитвою хозяинъ зажигаетъ сначала большую восковую свѣчу, обернутую тканью, потомъ три меньшія. Большая свѣча называется «*jedinstvo*», меньшія—«*trojstvo*». Свѣчи эти ставятъ въ сосуды, наполненные пшеницею. Послѣ совершенія обряда, трое изъ домочадцевъ берутъ по одной изъ меньшихъ свѣчей и гадаютъ о своемъ долготѣи по тому, чья свѣча раньше потухнетъ. Большая свѣча горитъ у Католиковъ всю ночь, а у Православныхъ—до обѣдней поры слѣдующаго дня. Рождественскія свѣчи святятся потомъ въ церкви «на *svetlo Marije*»—черта, подобно Польскому названію одного изъ Богородичныхъ праздниковъ днемъ *N. P. Maryi gromnicznej*, указы-

⁶ Wolf, Beiträge 118, 119.

вающая на существованіе извѣстнаго женскаго божества, имѣющаго отношеніе къ грому. Во время посѣва эти свѣчи кладутся вмѣстѣ съ зерномъ въ мѣшокъ, изъ котораго сѣютъ. ⁷

У Сербовъ во время молитвы передъ обѣдомъ, въ первый день праздника, каждый изъ челяди держать по восковой свѣчкѣ. Послѣ молитвы хозяинъ собираетъ свѣчи въ одну горсть, ставитъ ихъ въ сосудъ, наполненный всякимъ зерномъ, потомъ тушитъ ихъ этимъ зерномъ. Этимъ зерномъ хозяйки кормятъ куръ, чтобъ неслись хорошо. ⁸

Въ Малороссіи мѣстами во время ужина «на багату кутю» горитъ одна только восковая свѣча, и больше свѣту въ хатѣ нѣтъ. ⁹

Подобный Сербскому обычай еще въ прошломъ столѣтіи соблюдался въ Швеціи. За ужиномъ наканунѣ Рождества для каждаго изъ присутствующихъ горѣла свѣча. Послѣ ужина потушили всѣ свѣчи, кромѣ свѣчей хозяина и хозяйки, которыя горѣли всю ночь. Если одна изъ этихъ свѣчей гасла, то это предвѣщало смерть кому ни будь изъ домашнихъ. ¹⁰

Въ противоположность обычаю жечь свѣчи на канунѣ Рождества, «въ Дессаускомъ замкѣ не должно горѣть въ этотъ вечеръ ни свѣчи, ни огня», то есть, по мнѣнію Вольфа, въ этотъ вечеръ слѣдуетъ обновить огонь, потушить старый и зажечь новый. ¹¹ На зажиганье новаго огня указываетъ, по видимому, и Сербскій обычай прятать, вмѣстѣ съ нѣкоторою другою хозяйственною утварью, и кочергу (ватраль) въ то время, когда хозяинъ утромъ въ бадній день отправится за бадняками. ¹² Кочерга прячется, думаемъ, по тому, что скрылся, не горитъ въ домѣ огонь. Но если объясненіе Вольфа и не вѣрно, то, во всякомъ слу-

⁷ Піс 94, 95.

⁸ Карадж. Рѣчн.

⁹ Основа, Май 1861.

¹⁰ Grimm, Mith. 593—594.

¹¹ Wolf, Beiträge 118 — 120.

¹² Карадж. Рѣчн.

чаѣ, запрещеніе жечь огонь указываетъ на отношеніе дня къ огню и предполагаетъ приведенные выше обычаи. Подобнымъ образомъ, если въ однихъ мѣстахъ Германіи говорится, что не слѣдуетъ прясть въ теченіе 12-ти ночей отъ Рождества до Крещенія, а въ другихъ — что напряденныя въ это время нити имѣютъ цѣлебныя свойства, и что, стало быть, прясть можно, то и запрещеніе и позволеніе одинаково указываютъ на отношеніе этихъ ночей къ прядущей богинѣ.

Связь свѣчи съ громомъ видна изъ того, что какъ Рождественская головня во Франціи, такъ и Страстная или Богоявленская свѣча въ Малороссіи зажигается во время грозы.¹³ Свѣча эта называется громницею. Предполагаемъ, что и здѣсь, какъ во многихъ другихъ случаяхъ, Крещенскіе обряды тождественны съ Рождественскими, и потому отъ значенія Крещенской свѣчи заключаемъ къ значенію Рождественской.

Замѣтимъ еще, что громница употребляется въ Малороссіи при благословленіи молодыхъ, что указываетъ на отношеніе грома къ браку; заженная громница дается также въ руки умирающему, «щобъ легче було конати.»¹⁴

2. Въ XVII ст., въ Москвѣ и по другимъ городамъ «въ на-вечеріе Богоявленія Господня кликали плугу», то есть, славили плугъ. У Поляковъ мѣстами есть обычай на канунъ Рождества класть на столъ чересло плуга (*trzosło plugowe*), чтобъ мыши и кроты не портили пашни.¹⁵ Въ Червонной Руси коегдѣ на канунъ Новаго Года вечеромъ ходятъ по хатамъ съ плугомъ и, показывая видъ, что орютъ, посыпаютъ овсомъ и кукурузою. При этомъ поютъ:

Твои волы, мои волы, гей, гей!

А въ переді двѣ медведі, гей, гей!

А въ пригонѣ двѣ вороні, гей, гей!

Въ колесницѣ двѣ сениці, гей, гей!

Сѣй, родися жито, пшевица, вишыяка пашница!¹⁶

¹³ Шейковский II, 22.

¹⁴ Тамъ же. 21 — 22.

¹⁵ Pauli, Rus. I, 15.

¹⁶ Тамъ же.

Вѣроятно, что плугъ и оранье относятся къ подателю плодородія полей. За такого мы знаемъ громовника Илью, замѣняющаго языческое божество грома. Илья ходитъ по землѣ именно около Рождества, объ чемъ говорится въ Малороссіи при засѣваньи на Новый годъ:

Ходѣ Илья на Василя,

У ёго пуга житаная:

Де пугою махне,

Тамъ жито росте.⁴⁷

Но, съ другой стороны, и солнце есть божество земледѣльческое, посылающее урожай, и въ его честь могли совершаться обряды съ плугомъ. Однако первое предположеніе заслуживаетъ предпочтенія, потому что въ приведенной Галицкой пѣсни говорится объ ораньи медвѣдями, а медвѣдь есть животный образъ Тора-Тунара, который въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Германіи въ этомъ видѣ является людямъ около Рождества.⁴⁸

Трудно найти основанія непосредственнаго сближенія божества грома съ медвѣдемъ; но общее между ораньемъ и плугомъ, которые, какъ полагаемъ, посвящены грому, и медвѣдемъ то, что какъ плугъ деретъ, рветъ землю (таково основное значеніе словъ орать, рало, борона; по Скр. плугъ (или кирка, лопата) — гôдâраhа, собственно дерущій землю), такъ и медвѣдь деретъ. Санскритское названіе медвѣдя по этому признаку, именно рîкша (собственно портящій, то есть, рвущій), Греческое ἄρκτος, Латинское ursus, сохранилось и въ Славянскомъ, хотя и съ измѣненнымъ значеніемъ: такъ какъ Санскритское рî въ началѣ слова = Славянскому ру, ры, а Санскр. кш = Славянскому с (ср. Санскр. рîкшâ, Славянское лысь), то Санскритскому рî'кша, медвѣдь = Славянское рысь, Литовское luszis, рысь (а можетъ быть, какъ думаетъ Боппъ, и Литовское lokys, медвѣдь). Подобнымъ образомъ Санскритское вріка, волкъ (собств. разрывающій, рѣжущій) въ языкѣ Ведъ значитъ вмѣстѣ и плугъ, а Санскритскому кôка, волкъ, соотвѣтствуетъ Готск. hōha,

⁴⁷ Метлинскій, 344.

⁴⁸ Mannhardt, Germ. Myth. 238 и др.

плугъ ¹⁹ и Сербское кука, крюкъ и кирка. Малорусская пословица говоритъ, что не хорошо орать волкомъ (вовка въ плугъ, а вонъ къ чорту въ лугъ), то есть, отрицаетъ связь представленій волка и плуга, а такое отрицаніе въ народной поэзіи почти всегда свидѣтельствуешь, что такая связь была въ языкѣ. Дѣйствительно, въ сказкахъ, какъ увидимъ, сохранилась память объ ораніи змѣемъ, мифическое значеніе коего очень сходно со значеніемъ волка. ²⁰

По чему въ приведенной выше Галицкой пѣснѣ вмѣстѣ съ медвѣдями упоминаются вороны и синицы, это неясно:

Память о божественномъ происхожденіи плуга сохранилась въ Малорусскомъ повѣр'ѣ, что самъ Богъ далъ Адаму плугъ, а Еввѣ кужелку, когда высылалъ ихъ изъ рая. ²¹ Важнѣе для насъ слѣдующій разсказъ: «Въ незапамятныя времена послалъ Богъ на народъ Козацкій страшнаго змѣя, опустошавшаго край. Владѣтель

¹⁹ Kuhn, Zur ältest. Geschichte der Indogerm. Völker. Ind. Stud. I, 353.

²⁰ Въ языкѣ не рѣдко сочетаются представленія быстроты и разрыванья. Такъ, между прочимъ, въ корнѣ ар, отъ котораго, съ одной стороны, орать, съ другой Скр. ара, быстрый и Слав. ор-ь-ль. Отсюда связь орла и оранья:

Орелъ поле изоравъ
И пшеницѣ посѣявъ.

Та зоремо поле орлами,
Та засѣмо жемчугами.

Не въ этомъ ли сочетаніи представленій быстроты и раздиранья слѣдуетъ искать основанія сближенію мысли (быстрой) и оранья?

Горе мое, горе, несчастная доля!
Выгнала дѣвчинонька мыслоньками поле,
Карыми очима тай заволочила,
Дробненькими слезоньками все поле змочила (Метл. 274).

Впрочемъ, представленія быстроты слѣдуетъ искать не въ словѣ мысль, которое, вѣроятно, вмѣстѣ съ Лит. mĩnsle, загадка, относится къ корню ман, думать, а въ его синонимахъ.

²¹ Маисимовичъ, Дни и мѣсяцы II, 74.

той земли условился съ чудовищемъ ежедневно давать ему на пожраніе одного юношу, по очереди изъ каждаго семейства. Черезъ сто лѣтъ пришла очередь на Царскаго сына. Напрасно весь народъ предлагалъ въ замѣнъ своихъ дѣтей. Змѣй не согласился, и Царевича отвезли на урочное мѣсто. Тамъ явился Царевичу Ангелъ, приказалъ бѣжать отъ змѣя и, для облегченія побѣга, выучилъ молитвѣ «Отче нашъ». Царевичъ пустился бѣжать, и бѣжалъ три дня и три ночи. Какъ только переставалъ онъ повторять слова молитвы, тотчасъ начинало его палить жгучее дыханіе змѣя. На четвертый день, уже изнемогая отъ усталости, увидѣлъ онъ передъ собою кузницу, гдѣ Св. Глѣбъ и Борисъ ковали первый плугъ для людей этой страны; вбѣжалъ туда, а Святые захлопнули за нимъ желѣзныя двери. Змѣй, когда ему не захотѣли выдать юноши, трижды лизнулъ языкомъ двери, а за четвертымъ разомъ просадилъ языкъ насквозь. Тогда Святые схватили его за языкъ раскаленными клещами, запрягли въ готовый уже плугъ, и провели этимъ плугомъ борозду, донынѣ называемую змѣевымъ валомъ.²² Что этотъ разсказъ въ основныхъ чертахъ переданъ вѣрно, подтверждается его сходствомъ съ разнословіями, извѣстными изъ другихъ источниковъ. По Максимовичу «Князь Борисъ (одинъ) все плуги ковалъ да людямъ давалъ», за что и великое почтеніе къ Святому Князю земледѣльческаго народа Украйны.²³ Причина, по которой Борису приписывается кованье плуга, можетъ быть та, что имя его поминается вмѣстѣ съ именемъ Глѣба, которое рѣмется съ хлѣбомъ: Малорусское: «На Глѣба и Бориса за хлѣбъ не берися» (то есть, въ этотъ день, 2 Мая, или 24 Іюля, не слѣдуетъ «робить хлѣба»; хлѣборобъ — земледѣлецъ); Галицкое: «На Бориса и Глѣба берися до хлѣба» (о началѣ жатвы 24 Іюля);²⁴ Велико-русское: «На Борисъ и Глѣбъ поспѣваетъ хлѣбъ.»²⁵ Въ день Бориса и Глѣба грозныхъ бываютъ большія грозы, которыя палятъ копны и людей, работающихъ въ этотъ день (24 Іюля). Отсюда этотъ

²² Siemieński, Podania i Legendy 39 — 40.

²³ Максимов. Дни и мѣсяцы II, 74.

²⁴ Вѣн. 251.

²⁵ Сахр. Сказ. II, 7, 45.

день въ Тульской Губерніи извѣстенъ подъ именемъ паликопны,²⁶ какъ у Малоруссовъ день Великомученика и Цѣлителя Пантелеимона — Палія, Паликопы (27 Іюля). Изъ всего этого заключаемъ, что Святые Борисъ и Глѣбъ замѣнили громовое божество, покровительствовавшее земледѣлію и сковавшее первый плугъ для людей.

По другому Малорусскому повѣрью, первый плугъ для людей ковалъ «Кузьма-Демьянъ, Божій коваль» (одно лицо), когда великій змѣй, истреблявшій родъ людской, вздумалъ напасть на него. Когда змѣй языкомъ своимъ пролизалъ дверь въ кузницу, тогда Божій коваль ухватилъ его клещами за языкъ, запретъ въ плугъ и прооралъ землю отъ моря до моря. Тѣ бороны лежатъ по обѣ стороны Днѣпра змѣевыми валами. Великій змѣй въ плугъ все просился напиться воды изъ Днѣпра, а Божій коваль все погонялъ его, пока добрался до Чернаго моря, тогда уже пустилъ змѣя пить до воли; и какъ выпилъ полморя, то и разсѣлся, и поползли изъ него малыя змѣи.²⁷ Съ этимъ сравните Бѣлорусскую сказку: Богатырь отправляется побивать змѣя, пожравшаго солнце, убиваетъ его и, разломавши его голову, возстановляетъ бѣлый свѣтъ. Богатыря преслѣдуютъ, сначала дочери змѣя, потомъ сама змѣиха съ пастью отъ неба до земли, и онъ спасается въ кузню къ Кузьмѣ и Демьяну за двѣнадцать желѣзныхъ дверей. Змѣиха пролизываетъ эти двери, но кузнецы, схвативши ее за языкъ раскаленными клещами, убиваютъ и прахъ развѣваютъ по вѣтру.²⁸

И здѣсь безмездные врачи и безсребренники Козьма и Демьянъ стали кузнецами, по причинѣ звуковой близости имени Кузьмы со словами кузня, кузло (ковъ). Это одинъ изъ множества примѣровъ сильнаго стремленія народа уподоблять чужое, осмысливать звуки непонятныхъ словъ, придавая имъ свое содержаніе, присоздавать къ готовой виѣшней формѣ словъ внутреннюю форму. Замѣчательно, что, какъ въ одномъ изъ при-

²⁶ Сахар, тамъ же. Терещ. VI, 47.

²⁷ Максим. Дни и мѣсяцы. II, 74.

²⁸ Аванасевъ, Сказ. II, 100.

веденныхъ свидѣтельствъ, является одинъ кузнецъ Борисъ, такъ въ другомъ—одинъ Божій коваль Кузьма-Демьянъ, или, какъ называется его пѣсня, Кузьма Демьяновичъ; это предполагаетъ существованіе мифа объ одномъ богѣ-кузнецѣ. Въ одномъ Малорусскомъ сказаніи мы видѣли, что этотъ богъ является одинъ, и одинъ убиваетъ змѣя; въ другомъ Бѣлорусскомъ побѣда надъ змѣемъ раздѣлена между богатыремъ и богомъ-кузнецомъ, при чемъ богатырь ищетъ защиты у кузнеца; въ третьемъ Малорусскомъ о богатырѣ вовсе не говорится, а является только Царевичъ, спасаемый кузнецомъ. Эти разнорѣчія заставляютъ думать, что богатырь и Царевичъ—черты позднѣйшія, хотя и языческія, и что въ первоначальныхъ сказаніяхъ одному кузнецу приписывалось и освобожденіе солнца изъ головъ змѣя и оранье змѣемъ. Змѣй, какъ извѣстно, есть Индійское врітра (туча, покрывающая небо, скрывающая солнце), которому Индра раскалываетъ голову перуномъ. Нашей змѣихъ соотвѣтствуетъ мать Вритры, тоже убиваемая Индрою. Что до оранья змѣемъ, то оно похоже на Индійскій мифъ, что Индра, освобождающій воды, которыя держалъ въ заключеніи змѣй (ахи), и проливающій ихъ на землю, вмѣстѣ съ тѣмъ роетъ русла для рѣкъ. Это сближеніе было бы вѣроятно, если бы мы были въ правѣ принимать змѣевы вала, идущіе «по обѣ стороны Днѣпра», за берега самого Днѣпра. Въ случаѣ тождества змѣева вала и Днѣпровскаго русла (что давало бы намъ Славянскій мифъ о небесномъ началѣ Днѣпра и рѣкъ вообще), родились бы слѣдующіе вопросы: «Если выраженіе «Индра роетъ русла рѣкъ» понимать такъ, что Индра, освободивши воды, тѣмъ самымъ даетъ имъ волю прокладывать себѣ путь по землѣ, то какимъ образомъ Русскія сказки могли поставить событіе, слѣдующее за смертью змѣя, именно освобожденіе водъ и рытье ими руселъ (=оранью), прежде этой смерти? Если же Индра самъ лично роетъ русла для водъ, то что будетъ значить въ Русскихъ сказкахъ оранье змѣемъ, то есть тучею? На эти вопросы можно бы отвѣчать удовлетворительно. Первоначально рытье руселъ и убіеніе змѣя, событія, не слѣдующія одно за другимъ, а одновременныя и тождественныя. Въ одной пѣснѣ Ригъ-Веды говорится, что когда Индра поразилъ змѣя, то освобожденные воды полились «какъ по руслу», «по расколотому»

тѣлу этого змѣя.²⁹ Это слѣдуетъ, кажется, понимать такъ: Вритра, или туча представляются въ видѣ горы, внутри коей заключены воды; молнія разсѣкаетъ эту гору (тучу, вритру) и образуетъ ущелья, по которымъ изливаются на землю дождевыя воды. Эти ущелья не что иное, какъ разрубленное тѣло Вритры. Когда небесное событіе перенесено на землю и богъ, бороздящій тучи, сталъ покровителемъ земледѣлія, бороздящимъ землю, то могло случиться, что этихъ бороздъ по чему бы то ни было (на пр., по причинѣ святости земли, по причинѣ представленія ее женщиною, находящеюся не во враждѣ съ Перуномъ), нельзя было назвать тѣломъ змѣя. Но связь представленій змѣя и оранья (разрыванья, разсѣканья) существовала еще и требовала восстановленія, т. е., опредѣленнаго мѣста въ новомъ миѳѣ, и вотъ это восстановленіе совершается такимъ образомъ, что миѳъ заставляетъ бога орать змѣемъ.

Индра и Торъ, какъ податели плодородія, покровительствуютъ браку и семейной жизни. Торъ является на свадьбы. Его молотъ игралъ важную роль при брачныхъ обрядахъ. У Славянскаго бога-грома былъ тоже молотъ, одна изъ причинъ, по чему этотъ богъ сталъ кузнецомъ. — О Кузьмѣ свадебная пѣсня говорить, что онъ куетъ свадьбу:

Около двора, около Агафоныча,
 Пролегалъ тамъ три ступеньки
 Что ли торныя дороженьки,
 Какъ по первой ли по стеженькѣ,
 По той ли торной дороженькѣ,
 Тамъ шелъ самъ Иисусъ Христосъ
 Со всѣми со Апостолами.
 По второй ли по стеженькѣ,
 По той ли торной дороженькѣ,
 Тамъ шла Мать Пречистая.
 Какъ по третьей ли по стеженькѣ,
 По той ли торной дороженькѣ,
 Тамъ шелъ самъ Козьма-Демьянъ
 На свадьбу Агафоныча.
 «Ты Святой ли ты, Козьма-Демьянъ,
 «Да Козьма ли ты Демьяновичъ!
 Да ты скуй ли ка намъ свадебку.³⁰

²⁹ Mannhardt, Germ. Myth. 164.

³⁰ Терещ. II, 448.

Этою связью кованья и брака объясняется, по чему подблюдныя пѣсни о кузнецѣ предвѣщаютъ богатство и свадьбу:

Идетъ кузнецъ изъ кузницы, слава!
Шубенка на немъ худенька:
Одна пола во сто рублей,
Другая пола въ тысячу,
А всей-то шубенкѣ цѣны нѣтъ,
Цѣна ей у Царя въ казнѣ,
У Царя въ казнѣ, въ золотомъ ларцѣ.

Идетъ кузнецъ изъ кузницы, слава!
Несетъ кузнецъ три молота.
«Кузнецъ, кузнецъ! ты скуй мнѣ вѣнецъ,
«Ты скуй мнѣ вѣнецъ и золотъ и новъ,
«Изъ остаточковъ золотъ перстень,
«Изъ обрѣзочковъ булавочку,
«Мнѣ въ томъ вѣнцѣ вѣнчаться,
«Мнѣ тѣмъ перстнемъ обручаться,
«Мнѣ тою булавою убрουςь притыкать. ³¹

Отношеніе Кузмы къ браку съ одной стороны и къ грому съ другой подтверждается слѣдующимъ: Въ Пензенской Губерніи 1-го ноября, въ день Святыхъ Кузмы и Дамьяна, празднуются Кузьминки, исключительно дѣвичій праздникъ, на которомъ, во время угощенія, поютъ:

Полно, полно намъ дѣвушки,
Чужо пиво пить!
Не пора ли намъ, подружки,
Свое затѣвать. ³²

т. е., не пора ли затѣвать свою свадьбу; питье пива, или вина, есть въ Славянскихъ пѣсняхъ символъ любви и брака. ³³ Въ другихъ мѣстахъ Великороссіи въ тотъ же день совершаются обряды съ курами и пѣтухами, птицею, имѣющею тѣсную связь съ огнемъ, громомъ и, какъ увидимъ ниже, бракомъ: справляютъ курьи

³¹ Снег. Сах. Терещ.

³² Терещ. VI, 62.

³³ О нѣкоторыхъ симв. въ Слав. нар. поэм. 13—19.

именины, дарятъ роднымъ куръ на красное житѣе, убиваютъ кочета въ овинахъ.³⁴

У Нѣмцовъ и у насъ Масляная такъ сходна въ обрядномъ отношеніи съ Рождествомъ, что можетъ разсматриваться, какъ продолженіе Рождественскихъ праздниковъ (*der zwölften*). Такъ у Нѣмцовъ и на Рождественскихъ праздникахъ и на Масляной тѣ же обрядныя яства, тѣ же запрещенія прѣсть и постѣнія домовъ тою же прядущею богинею (*Frau Herke, Wulle, Holle*).³⁵ Такъ рядомъ со свидѣтельствами объ отношеніи плуга къ Рождеству можемъ повторить изъясненія о хожденіи съ плугомъ на Масляной. На Рейнѣ, во Франконіи и др. мѣстахъ молодые люди собираютъ взрослыхъ дѣвицъ (*Dantzjuncckfrauwen*), запрягаютъ ихъ въ плугъ и везутъ музыканта, сидящаго на плугѣ и играющаго, въ воду; въ другихъ мѣстахъ возятъ огненный плугъ (*ein feürinen pflug mit einem meisterlichen darauff gemachten feür angezündet*), пока онъ не разсыплется въ дребезги. Но другимъ извѣстіямъ, молодые люди, идущіе за плугомъ, сѣютъ сѣчку и стружки, дѣвицъ, запряженныхъ въ плугъ, заставляютъ откупаться, «какъ бы въ наказаніе за то, что до Масляной онѣ не вышли замужъ.»³⁶ Можетъ быть колодки (Польск. *klocki*), которыя въ Малороссіи и въ Польшѣ въ концѣ Масляной или въ началѣ Великаго Поста привязываютъ холостымъ мужчинамъ и незамужнимъ женщинамъ, тождественны съ этимъ плугомъ; но если это и не такъ, то все же приведенные Нѣмецкіе обряды имѣютъ важность и для Славянской Мифологіи. Хожденіе съ плугомъ на Рождество въ Червонной Руси имѣетъ цѣлью плодородіе земли, на что указываетъ припѣвъ: «Сѣй, родися жито!» и пр.; соответственно этому хожденіе съ плугомъ, запряженнымъ дѣвицами, могло имѣть цѣлью плодородіе браковъ. Въ Славянской поэзіи земля, роля (*respect. дорога, ткань*)—символъ женщины, орать землю [*respect. ходить по дорогѣ, carpere viam*, по старин. выраженію «пути касатися», или «въ путь касатися», собственно рвать дорогу], носить, рвать пла-

³⁴ Сах. Сказ. II, 7, 63.

³⁵ Kuhn и Schw., *Norddeut. Sag.* 370—371.

³⁶ Grimm, *Myth.* 242, 243.

ть) — символъ любви и брака.³⁷ Отсюда плугъ — символъ оплодотворяющаго начала. Выше мы предположили, что первообразъ оранья змѣемъ есть громовая стрѣла раздирающая тучу, т. е., громовое божество, поражающее змѣя. Это объясненіе не приложимо къ плугъ, какъ символу плодородія и брака, но указываетъ на то, что и такъ понимаемый плугъ имѣетъ въ основаніи то же небесное явленіе грозы, но представляемое уже не битвою, а бракомъ громоваго божества и тучи, замѣненной при дальнѣйшемъ развитіи мифа землею. Подобный Индійскій мифъ мы увидимъ ниже.

Сообразно съ этимъ можно объяснять и кованье свадебъ. Въ позднѣйшемъ сказаніи богъ, кующій свадьбу, куетъ ее не для себя, а для людей. Но какъ богъ, кующій плугъ — символъ брака, такъ и кующій свадьбу первоначально самъ тождественъ съ женихомъ. На это указываютъ слѣдующіе стихи Серб. пѣсни:

Злату те се куюнджія нати,
И мени те мой суденикъ доті,³⁸

гдѣ кузнецъ — символъ суженаго.

3. Изъ выше сказаннаго заключаемъ, что языческій праздникъ, совпавшій и слившійся съ Рождествомъ и близкими къ нему Христіанскими праздниками, былъ посвященъ, между прочимъ, божеству огня — грома, подателю плодородія полей, богатства, покровителю брака, имѣвшему, вѣроятно, отношеніе къ смерти. Это божество могло называться Перуномъ, но могло носить и другое имя — Сварога, который, въ извѣстномъ мѣстѣ Ипатьевского списка Несторовой Лѣтописи, замѣняетъ кузнеца Гефеста, установившаго законъ «женамъ за единъ мужъ посягати», и называется отцемъ Дажь-бога — солнца. Кромѣ этого божества, Рождественскіе обряды и пѣсни указываютъ на другое мужское, къ которому мы теперь переходимъ.

Первый день Рождества называется у Сербовъ Божитъ, т. е., Сынъ Божій. Судя по нѣкоторымъ даннымъ, Божичъ есть лицо

³⁷ О нѣкотор. симв. 145—152.

³⁸ Карадж. Пѣсн. I, 376.

не вполне Христіанское: оно приняло нѣкоторыя черты Миоическаго существа, которое тоже могло называться Божищемъ. Начнемъ съ наиболѣе шаткихъ указаній на это.

В. С. Караджичъ говоритъ, что слышалъ въ дѣтствѣ колядку, въ которой просятъ «да имъ краве буду мліечне, да намузу пунъ кабао мліека:

«Да окупамъ, коледо!

«Малогъ бога, коледо!

«И божитя, коледо!» ³⁹

Конечно, и можетъ быть здѣсь плеонастическое, но можетъ быть и нѣтъ. Въ послѣднемъ случаѣ малый богъ отличается отъ божича; союзъ указываетъ на неполное ихъ сліяніе. Купанье новорожденного бога въ молоко небесныхъ коровъ, замѣненныхъ потомъ земными, можетъ быть чертою чисто языческою. О празднованіи рожденія языческаго божества говорить и Великорусская колядка:

Уродилась коляда

На канунѣ Рождества. ⁴⁰

Если, что вѣроятно, слово коляда не Славянское, то оно замѣнило другое, болѣе древнее, названіе.

Не менѣе двусмысленны слѣдующія мѣста Сербскихъ колядокъ:

. темо Бога молитъ

За старога за бадняка,

За младога за божитя. ⁴¹

. Врнъ се натрагъ, стара майко,

Ево су ти гости дошли,

Добри гости, коледани,

Кон оде, Бога моле

За старога за бадняка,

За младога за божитя. ⁴²

³⁹ Карадж. Рѣчн.

⁴⁰ Терещ. VII, 57.

⁴¹ Карадж. Срб. пѣсм. I, 113.

⁴² Тамъ же 116.

Можетъ быть, Божичъ названъ молодымъ столько же по тому, что празднуется его рожденіе, сколько и по тому, что онъ богъ новый, по отношенію къ старому бадняку, богу языческому. Можетъ быть, пѣсня, различая два періода религіознаго сознанія, въ то же время своеобразно ихъ смѣшиваетъ. Но есть и другая возможность, что баднякъ и божичъ названы старымъ и молодымъ, какъ отецъ и сынъ. Въ странной мысли «молить Бога (Христіанскаго) за бадняка и божича» — очевидное смѣшеніе понятій. Это смѣшеніе даетъ перевѣсъ второму предположенію, что божичъ, какъ божество языческое, ставится здѣсь на одну доску съ баднякомъ. Христіанскій Богъ стоитъ неизмѣримо высоко надъ человѣкомъ, не раздѣляетъ ни людскихъ радостей, ни страданій, и по тому, съ Христіанской точки, невозможно молиться одному лицу Божественной Троицы за другое. Но языческіе боги участвуютъ въ положеніи человѣка. Этимъ объясняется сохранившееся еще въ Средневерхненѣмецкой поэзіи сопоставленіе человѣка и Бога: *Gote unde mir willekomen* (потомъ *Got* становится только усиленіемъ мѣстоименія: «*sît mir-gote willekomen*»), «знаю я и Богъ», «я Одинъ», «жалуюсь вамъ и Богу» и проч.⁴³ Подобныхъ Славянскихъ выраженій меньше; кромѣ выраженій: «иди съ Богомъ», «Богъ съ тобою!» укажемъ на слѣдующія: Малорусское: «Прошу Бога и васъ, вся чесна громадо, на хлѣбъ, на соль та й на весѣлья»;⁴⁴ Сербская свадебная пѣсня:

«Кудъ намъ поде дювегія, видѣ ли га ко?

Видіо га домати́не и Господинъ Богъ.»

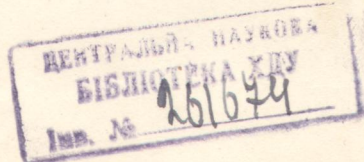
При повтореніи этого двустишія, вмѣсто домати́не, поются названія всѣхъ поѣзжанъ: првіенче, стари свате (звал. пад. вм. именит.), кумъ вѣнчани и такъ далѣе; всѣ эти лица вмѣстѣ съ богомъ видѣли, куда пошелъ молодой;⁴⁵ Ср. также: «Съ вами дошла свака сретя и самъ Господъ Богъ»,⁴⁶ и нѣсколько

⁴³ Grimm, Myth. 15 — 16.

⁴⁴ Купала на Ивана. Харьковъ, 1840, стр. 47.

⁴⁵ Карадж. Сербск. пѣсм. I, 71 — 72.

⁴⁶ Карадж. Сербск. пѣсм. I, 43.

подобныхъ мѣстъ. Языческіе боги, какъ извѣстно, подвержены сну, болѣзни, опасности, смерти,⁴⁷ и по тому понятно, что двоевѣрный человѣкъ можетъ молиться Христіанскому Богу за своихъ прежнихъ Боговъ. Въ подтвержденіе этого укажемъ на довольно обыкновенное заключеніе Малорусскихъ коладокъ:

Да бувай здоровъ и въ вѣку довгый,
Не самъ собою, зъ своею жоною,
Зъ усѣмъ родомъ, зъ Господомъ Богомъ,
Зъ Исусомъ Христомъ, зъ Свѣтымъ Рождествомъ.⁴⁸

Та бувай здорова, дѣвко Орино,
Не сама собою, зъ отцемъ, зъ ненькою,
И зъ милымъ Богомъ, и зъ усѣмъ родомъ.⁴⁹

Буквальный смыслъ втораго мѣста: «Будь здорова, но не одна, а съ отцемъ, матерью, милымъ Богомъ и всѣмъ родомъ,» рѣшительно не позволяетъ придавать здѣсь поздравленію такой смыслъ, какой оно теперь имѣетъ, какой, на примѣръ, въ поздравленіи: «Будьте здоровы зъ богатымъ вечеромъ, зъ Меланкою!» (31 Декабря), т. е., желаю вамъ здоровья, по случаю сегодняшняго праздника! По этому мы понимаемъ приведенныя мѣста буквально и видимъ въ нихъ остатокъ обычая славить не только хозяина съ семьею, но и боговъ. Желаніе благополучія «тебѣ и богу» нѣкоторымъ образомъ соотвѣтствуетъ Христіанскому: «да прійдетъ царствіе твое!»

Что Божичъ есть свѣтлое, солнечное божество, это можно видѣть изъ слѣдующаго:

«По некимъ мѣстима (као по Босни и по Херцеговини) сячу на Божить, т. е., доминать рано у югру виче: «С яй, Бо же и Божитю, нашему или нашой (по кмену свима кутянима редомъ)!»⁵⁰ Это: «Свѣти, Боже и Божичу, нашему такому то» имѣетъ, очевидно,

⁴⁷ Ср. Grimm, Myth. 307.

⁴⁸ Метл. 330.

⁴⁹ Тамъ же 333. Тоже тамъ же 336, 341, 343 — 344. Pauli Rus. I, 11.

⁵⁰ Карадж. Рѣчн.

смысль поздравленія: отъ свѣта боговъ зависитъ благополучіе людей. Если богъ не есть здѣсь Христіанская вставка, и если подъ нимъ слѣдуетъ разумѣть бадняка, то нужно будетъ предположить, что и баднякъ имѣетъ отношеніе къ свѣтлому, ведрому небу, подобно Индрѣ (прогоняющему ночную тѣнь, открывающему лице солнца, или производящему солнце, небо, зарю) и Тору.⁵¹

Сербскому обычаю сякати на первый день Рождества соответствуетъ Малорусскій припѣвъ: «Щедрикъ-ведрикъ,» имѣющій, по видимому, тотъ же смыслъ, что и «сяй, Боже!» и обрядная рѣчь при посыпаньи на Новый годъ: «Роди, Боже, жито, пшеницю! У полѣ ядро, а въ домѣ добро!»⁵² Замѣтимъ параллелизмъ въ послѣднемъ выраженіи: ядро, какъ и сіянье Божича, имѣетъ переносный смыслъ добра, блага. Что касается до того, что сякаютъ на первый день Рождества, а щедруютъ подъ Новый Годъ, то это разница несущественная. Сходство обрядовъ, совершающихся отъ 4 Декабря до 6 Января (какъ увидимъ, даже въ теченіи большого времени), заставляетъ думать, что зимній языческій праздникъ продолжался нѣсколько дней, или же (что кажется менѣе вѣроятнымъ), если этотъ праздникъ былъ однодневный, — что онъ распался на нѣсколько частей, приуроченныхъ къ нѣсколькимъ Христіанскимъ праздникамъ, но сохраняющихъ первоначальное сходство. Такъ обычай колядовать, т. е., славить на Рождество, и щедровать, славить подъ Новый Годъ, до того сходны, что различаются не всѣмъ Южнорусскимъ племенемъ: «щедрый вечеръ», припѣвъ Малорусскихъ щедровокъ, у Карпатскихъ Горцевъ относится и къ колядкамъ (въ которомъ общій, и Украинскій, и Галицкій,

⁵¹ Mannhardt, Germ. Myth. 139 — 143.

⁵² Можетъ быть, слова ведро и ядро — одного корня. Румун. ведро, асная и теплая погода, Чеш. — жаръ, Серб. ведар (постоянн. эпит. неба: «ведро небо»), ясный, подходитъ къ Скр. vādhra, ясный, чистый, прозрачный, хотя Скр. ѵ заставляетъ ожидать Славянскою и, а не е. По Боппу, видра — изъ предлога ви и глаг. корня udh съ суф. р. кор. udh = undh, зажигать, откуда могло пойти Сл. ядро (= ведро), если оно имѣло въ началѣ и. Ср. старинное яд-но, жженіе.

припѣвъ есть: «Святый вечеръ»), откуда видно первоначальное тождество святаго и щедраго или богатаго вечера. У Поляковъ и колядки и щедровки съ полнымъ основаніемъ носятъ одно имя: *kolędy*.

Въ Сербской колядкѣ встрѣчаемъ мѣсто:

Божить бае по свемъ свету,
По свемъ свету по овоме,⁵³

въ которомъ слово баяти не можетъ значить ни чаровать, заговаривать, какъ въ Сербскомъ, ни говорить, какъ въ Русскомъ и другихъ Славянскихъ нарѣчіяхъ, но очень удобно можетъ значить свѣтить: Божичъ свѣтитъ. Такая догадка не произвольна, по тому что корень *бѣа*, подобно многимъ другимъ, первоначально соединялъ значенія свѣта и рѣчи, изъ коихъ Славянскія нарѣчія сохранили въ настоящее время только послѣднее, а Санскритъ только первое. Производный отъ *бѣа* Славянскій корень *бас* имѣетъ оба значенія: 1-е въ *баса* — краса, баской и пр. (зн. красоты предполагаетъ значеніе свѣта), 2-е въ *бахарь*, *говорунъ*, *разказчикъ*. Сербское *бах-орити*, заговаривать, *бас-ма*, *заговоръ*, *бас-ня*. Обл. Великорусское *басить*, говорить красно, *лѣчить* и др. Можно, конечно, отнести сл. *баса* и другія того же основнаго значенія къ Скр. *бѣа*, свѣтитъ, а *бас-ня*, *бах-арь* къ кор. *бѣаш*, говорить, по тому что и Скр. *ш*, и *с* = Слав. *с*; но отъ этого дѣло не измѣнится, по тому что и *бѣаш*, и *бѣас* — только видоизмѣненія одного и того же корня.

На канунъ Божича (Рождества) поютъ:

Божить, Божить бата
На обоя врата,
Носи киту злата,
Да позлати брата
И обоя побоя (т. е., подвоя, половинки двери).⁵⁴

Божичъ стучится въ двери, несетъ киту (букетъ?) золота, чтобъ позолотить ворота и створчатые двери. Чибъ понять это,

⁵³ Карадж. Срб. пѣсме I, 113.

⁵⁴ Карадж. Срб. пѣсм. I, 117.

слѣдуетъ замѣтить: а) И въ нашихъ, и въ Нѣмецкихъ сказкахъ дары свѣтлыхъ боговъ — золотые, и вообще золото находится въ тѣснѣйшей связи со свѣтомъ, такъ что выраженіе: Божичъ позлащаетъ» значить то же, что и «Божичъ сіяетъ или баетъ». б) У всѣхъ почти Славянскихъ племенъ есть пословицы, говорящія, что солнце приходитъ къ воротамъ и освѣщаетъ ихъ: Сербская: «Доть те сунце и предъ наша врата;» Хорут. «Razsvetli se sonce i na vratih mojih;» Польск.: «Będzie i przed naszymi wrotami słońce;» Малорусск.: «Блисне сонце и въ наше вѣконце,» т. е., «Будетъ и на нашей улицѣ праздникъ.» Ту же мысль изображаетъ Хорутанскій обычай ставить на воротахъ мѣдный крестъ въ звѣздѣ, за всякаго женатаго члена семьи, обычай, извѣстный и многимъ Русскимъ: этотъ крестъ называется сонѣс или сонѣк, и выставляется на другой день свадьбы съ обрядомъ, называемымъ посвященіемъ, *posvećilo*. Изъ этого обычая мы заключаемъ, что солнце приходитъ къ воротамъ и приносить счастье, не только на Рождество, но и во время (а не послѣ) свадьбы.

Въ одной грамотѣ Царя Алексѣя Михайловича (1649 г.) говорится, что «на Москвѣ напередъ сего.... въ навечеріи Рождества Христова кликали многіе люди Каледу и Усень, а въ навечеріи Богоявленія Господня кликали (славили?) плугу.» Теперь во многихъ Великорос. Губерніяхъ Авсенемъ (иначе Говсень (Ряз.), или Таусень (Симб.), Бауцень (?) называется уже канунъ Новаго Года. Слово Авсень сближаютъ съ овесъ, на томъ основаніи, что посыпаютъ на Новый Годъ преимущественно овсомъ и овсомъ же даютъ славильщикамъ; ⁵⁵ но это совсѣмъ невѣрно. Въ сл. ов-ь-сь звукъ с принадлежитъ суффиксу (ср. Лит. *aw-iža* (употребительное только во множеств. числѣ *awizos*), Латин. *av-ena*), тогда какъ въ сл. ус-ень, авсень с относится къ корню ус Скр. уш-, жечь, уг-еге, отъ котораго Литов. *ausz-ti*, свѣтать (и въ переносномъ значеніи: *rawasaris iszausztą*, разсвѣтаетъ, начинается весна), *ausz-ga*, утренняя заря, т. е., зарево, предшествующее солнцу, и звѣзда, Санскр. ушас, заря, утро, Греч. ἥως, ἔως, Лат. *aug-oga* (г изъ s). Корень уш имѣ-

⁵⁵ Снегир. Праздн. и обр. II, 103. Терещ. VII, 110.

есть другую форму вас, которую находимъ, между прочимъ, въ Слав. весна, Скр. васанта, то же, Лит. was-ага, лѣто. Отсюда понятно, по чему день солнечнаго поворота на лѣто (рожденія солнца?) и само солнце могли называться Усенемъ.

Какъ Божичъ приходитъ къ воротамъ, такъ и Усень подъѣзжаетъ, заходитъ въ дворы:

Бхали бояре,
Сосну срубили,
Дощечки пилили
Мосточикъ мостили,
Сукномъ устилали,
Гвоздями убивали.

Ой Овсень! Ой Овсень!
Кому жь, кому бхать
По тому мосточку?
Бхать тамъ Овсеню
Да Новому Году. ⁵⁶

Въ одной Малоросс. пѣсни мощенье мостовъ есть символъ ожиданья:

Ой мостите мосты зъ зеленой бросты!
Сподѣвалась своего батенька та до себе въ гости
Недѣля минае, батенька не мае,
Журба мене зъ нѣгъ валяе, а нѣ хто не знае, и т. д.

Впрочемъ, мощенье въ Великорусской колядкѣ можетъ быть темнымъ воспоминаніемъ о небесномъ мостѣ, по которому боги сходили на землю:

Ой Овсень! Ой Овсень!
Походи, погулай
По святымъ вечерамъ,
По веселымъ теремамъ!
Ой Овсень...
Ты взойди...
Къ Филимону на дворъ.

⁵⁶ Снег. Празд. и обр. II, 111. Снег. Празд. и обр. II, 103.

.... Какъ въ срединѣ Москвы
Здѣсь ворота красны,
Веревъ всѣ пестры.
Ой Овсень...

Филимоновъ весь дворъ
Обведенъ, затыненъ
Кипариснымъ тыномъ.
Ой Овсень...

Филимоновъ-то тынъ
Серебромъ обложонъ,
Позолотой увить и т д

Какъ въ Сербской колядкѣ ворота позолачиваются, украшаются солнцемъ, такъ и здѣсь, по видимому, красота двора есть только слѣдствіе его посѣщенія свѣтлымъ богомъ, отблескъ небесной красоты. Эта мысль и въ расписаніи роскошнаго убранства теремовъ въ былинѣ про Соловья Будимировича:

Хорошо въ теремахъ изукрашено:

На небѣ солнце, въ теремѣ солнце;
На небѣ мѣсяцъ, въ теремѣ мѣсяцъ;
На небѣ звѣзды, въ теремѣ звѣзды;
На небѣ заря, въ теремѣ заря,
И вся красота поднебесная.

Нѣкоторыя другія пѣсни, въ которыхъ далѣе развивается то же побужденіе, приведемъ ниже; здѣсь же выпишемъ пѣсни, доказывающія, что боги посѣщали, какъ гости, дома смертныхъ. Кстати сравните пословицу: «Гость въ домъ, Богъ въ домъ.» Сравните такъ же Орл. и Пск. выраженіе «боги ходятъ» объ образахъ, приносимыхъ на домъ.

Великорусская колядка:

Пришла Коляда
На канунъ Рождества;
Мы ходили, мы искали
Коляду святую

⁶⁷ Тамъ же 111—112.

По всѣмъ по дворамъ,
По проулочкамъ.
Нашли коляду
У Петрова-то двора и пр. ⁵⁸

Колядка Карпатскихъ Горцевъ, въ которой удивительно стройно сливаются побужденія Языческія и Христіянскія: сначала славятся прежніе боги, потомъ отрицается ихъ могущество и надъ всею природою ставится Богъ Христіанскій:

Ци дома бывашъ, пане господарь?
Твои ринойки ⁵⁹ позамѣтаны,
Твои столойки понакрываны,
За твоимъ столомъ три гостейки,
Гостейки трои, не еднакіи:
Еденъ гостейко — свѣтле сонейко,
Другій гостейко — ясенъ мѣсячокъ,
Третій гостейко — дробень дожджейко.
Сонейко гварить: «Нѣтъ якъ надъ мене:
«Якъ я освѣчу горы, долины,
«Церквы, костѣлы и всѣ престолы.»
Ясенъ мѣсячокъ: «Нѣтъ якъ надъ мене:
«Якъ я освѣчу темную ночейку,
«Возрадуются гости ⁶⁰ въ дорозѣ
«Гости въ дорозѣ, волюйки въ возѣ.»
Дробень дожджейко: «Нѣтъ якъ надъ мене:
«Якъ я перейду три разы на яръ,
«Три разы на яръ мѣсяця ярця, ⁶¹
«Возрадуются жита, пашниці,
«Жита, пашниці, всѣ яриниці.»
Нѣтъ якъ надъ тебе, великій нашъ Боже!
Ты кажешъ мѣсяцю: «Свѣти всему свѣту!»
Ты кажешъ сонейку: «Свѣти всему свѣту!»
Ты кажешъ дожджейку: «Мочи суху землю!»
Роди, Боже нашъ, жито, пшеницю,
Жито, пшеницю, усяку пашницю!
Бувай здоровъ, пане господарь! и пр. ⁶²

⁵⁸ Снег. II, 68.

⁵⁹ Ринка, скамья.

⁶⁰ Гость, купецъ.

⁶¹ Ярецъ, Май.

⁶² Праздн. и обр. 29—30.

Галицкая колядка приводитъ въ связь домашнее счастье
человѣка съ посѣщеніемъ боговъ:

Ишовъ, перейшовъ мѣсяць по небу,

Та стрѣтився мѣсяць зъ ясною зорею:

«Ой зоря, зоря, де въ Бога була,

«Да въ Бога була, де маєшъ стати?»

— «Де маю стати? — У пана Ивана,

У пана Ивана, та на его дворѣ,

Та на его дворѣ, та у его хатѣ,

А у его хатѣ та двѣ радости:

Першая радость—сына женити,

А друга радость—дочку отдавати. ⁶²

Въ Польской колядкѣ говорится только о Христѣ и Христіан-
скихъ Святыхъ, но сохранена черта, по видимому, очень древ-
няя: небесные гости пользуются земнымъ гостепріимствомъ и пи-
руютъ съ людьми:

Na śród dworu jawor stoi, — hej Leluja!

Na jaworze złota rzęsa,

I przylecieli rajske ptaszęta,

I obtrzęśli złote, złote rzęsy,

I wybiegła nadobna dziewczyna,

I rozpuszcila swój biały fartuszek,

I pozbierała złote rzęsy,

I skoczyła do złotniczeńka:

«Złotniczeńku, rzemiśniczeńku!

«Ulij że mi złoty kubek!

— «Któż ci się będzie z niego napijał!» —

«Sam Pan Jezus z Aniołami,

«I Maryja z dziewicami,

«Nadobna dziewczyna z kawalerami. Hej Leluja! ⁶³

На такіа же благодатныя посѣщенія указываютъ свадебныя
пѣсни:

Ой иде Маруся на посадъ,

Зострѣча ёѣ Господь самъ

Изъ долею щасливою,

Изъ доброю годиною. ⁶⁴

⁶² Pauli, Rus. I, 10.

⁶³ Pauli, Pol. 3.

⁶⁴ Метл. 144.

Чи чуетесь, кониченьки, на силу?

Чи подвезете княгиню

Да подъ тую гороньку крутую,

Да у тую церковку святую?

А у той церковцѣ Святый Спасъ

Вѣнчавъ дѣтки однолѣтки въ Божій часъ. ⁶⁵

Ступи, Божоньку, зъ неба!

Теперь же ты намъ треба.

Зачни намъ веселяйко

На наше подвѣрайко,

Тихое, веселое,

Абы було щасливое. ⁶⁷

Благослови, Боженьку,

И ты, родный батеньку!

Пречистая Мати,

Ступи до насъ хати

Весѣле зачинати. ⁶⁷

4. Животныя, посвященные тому самому солнечному божеству, о которомъ говорено выше, т. е., животныя, въ образѣ которыхъ представлялось это божество до своего очеловѣченія, были: кабанъ, быкъ, олень, что выводимъ изъ слѣдующаго:

а) Свирина въ разныхъ видахъ есть одно изъ непрѣмѣнныхъ, обрядныхъ кушаньевъ на Рождество, Новый Годъ и Крещенье. У Сербовъ къ Божичу колютъ поросенка, который называется Божура, Божурица, или, въ другихъ мѣстахъ, равно какъ и у Хорватовъ, — заоблица ⁶⁸. На связь Божича съ поросенкомъ указываютъ слѣдующія припѣвки: Послѣ «Варина дня» (Варварина дня, 4 Декабря) поютъ:

⁶⁵ Тамъ же 167.

⁶⁶ Pauli, Rus. 66.

⁶⁷ Тамъ же, 93.

⁶⁸ Заоблица (по Югозападн.), бравче ціело съ главомъ испечено, или само одрто за таково печене. Карадж. Рѣчн. Бравче, - ovicula, но бравъ браваць то же, что вепаръ. У Хорватовъ облица — крме одъ године, годовалый поросенокъ.

Поручуе Варица Божитю:

«Пошли мене одъ прасца пожицу,

«Да зачинимъ варицу шеницу».⁶⁹

На Божичъ поютъ:

У Божитя три пожитя:

Еднимъ реже заоблицу,

Другимъ реже кобасицу,

Третимъ реже чесницу.⁷⁰

У Хорватовъ въ обычаѣ на Рождество, воротившись отъ обѣдни, которая начинается въ полночь, разговляться печеными колбасками. На Богоявление за завтракомъ непременно должна быть голова, а мѣстами и стегно, Рождественской заоблицы, а также и полъ Рождественскаго хлѣба и выдолбленный сыръ, изъ котораго пьютъ вино. Крохи всего этого даютъ ѣсть скоту, а лопатку, или другую кость заоблицы, бросаютъ въ сливнякъ,⁷¹ что говоритъ о священномъ значеніи этихъ яствъ и об ихъ отношеніи къ подателю плодородія скота и деревьевъ.

Въ Малороссіи щедруютъ:

Щедрикъ-ведрикъ!

Дайте вареникъ,

Грудочку кашки,

Кольце ковбаски!

Въ Великорусскихъ Авсенныхъ пѣсняхъ и колядкахъ:

Свинные ножки въ печи сидѣли,

На насъ глядѣли и пр.⁷²

Дѣдка свинушку убилъ,

Дѣдка бѣленькую,

Сиинку пѣгенькую.

Ай да Божья колада!...⁷³

⁶⁹ Карадж. Рѣчн. 34.

⁷⁰ Карадж. Срб. пѣсм. I, 117.

⁷¹ Иіс 103.

⁷² Тереш. VII, 53.

⁷³ Тамъ же 48. Ср. 112, 119 и 121.

У Поляковъ и Чеховъ колядовщики тоже просятъ колбасъ.⁷⁶

Во многихъ мѣстахъ Германіи подаютъ на Рождество свиную голову. Въ Англіи эта голова украшалась лавровымъ листомъ и розмариномъ (растеніемъ, имѣющимъ связь съ бракомъ и рожденіемъ и посвященнымъ солнечному богу Фро) и подавалась на столъ особенно торжественно, съ пѣсней.⁷⁸ Какъ кости (или рогъ) заоблицы даютъ плодородіе деревьямъ и здоровье скоту, такъ въ Германіи изображенія кабана, дѣлаемые на Рождество изъ тѣста, сохраняются до весны, ради плодородія полей; весною часто ихъ кладутъ въ сѣмена, приготовляемые для посѣва, часть даютъ въ ячменѣ рабочимъ лошадямъ, а часть работникамъ, ходящимъ за плугомъ.⁷⁶

Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Великой Руси, свиная голова есть кушанье, необходимое и за свадебнымъ столомъ. Въ Нерехотскомъ Уѣздѣ Костромской Губерніи плугъ на третій день послѣ свадьбы называется краснымъ столомъ. Между прочими кушаньями ставятъ тогда и цѣлую вареную свиную голову.⁷⁷ Въ Саратовской Губерніи, на другой день послѣ свадьбы, въ домѣ жениха бываетъ для родителей неvěсты, называемыхъ гарными гостями, и другихъ гостей, гарный столъ или просто гарны. Послѣ многихъ другихъ кушаньевъ, тутъ подаютъ свиную голову, обряженную красными лентами.⁷⁸ Очевидно, кушанье это появляется не случайно, а по обычаю. Красный цвѣтъ лентъ есть цвѣтъ солнца.

⁷⁴ Pauli. Pol. 10. Sumlork I, 299 — 300.

⁷⁵ Wolf, Beitr. I, 104; II, 112.

⁷⁶ Тамъ же I, 103. У Лужичанъ тоже пекутъ кабаны изъ тѣста. См. тамъ же I, 119.

⁷⁷ Діевъ, Нрав. и об. Нерехотскаго Уѣзда въ «Чтеніяхъ въ Обществѣ Исторіи и Древн. Россійск.» 1846 г., кн. 2, IV, стр. 26.

⁷⁸ Терещ. II, 364. Слово гарный, въ выраженіи «гарный столъ» соответствуетъ слову красный въ другомъ названіи того же стола. Можетъ быть, гарный сохранило здѣсь затерянное въ Малороссіи значеніе красный?

Связь приведенныхъ обычаевъ съ солнцемъ доказывается тѣмъ, что у Германцевъ кабанъ былъ посвященъ и приносился въ жертву солнечному богу, Сканд. Фрейру = Нѣм. Фро. Изъ самого имени этого Бога можно видѣть, что онъ прекрасный, ласковый господинъ (Др. Нѣм. frô, господинъ). Онъ богъ мира и любви; онъ посылаетъ дождь и солнечный свѣтъ, плодородіе и миръ. Его кабанъ съ золотою щетиной (gullinbursti) освѣщалъ ночь, какъ день, и съ быстротою коня везъ колесницу своего бога. Этотъ кабанъ, какъ символъ бога Фро, изображался на шлемахъ (Eparhelm = Frôhelm). Гриммъ приводитъ весьма важное, хотя не совсѣмъ ясное, свидѣтельство, связывающее Фро и кабана съ Рождествомъ и плугомъ: въ Голландіи въ ночь на Рождество ходитъ по землѣ «Derk met den beer» (Dietrich mit dem eber): въ это время прячутъ подъ навѣсъ всѣ земледѣльческія орудія, чтобъ не потопталъ ихъ кабанъ и не слѣлалъ безплодными.⁷⁹ Выше мы упоминали объ томъ, что прятанье разныхъ предметовъ указываетъ на связь этихъ предметовъ съ тѣми Миоическими лицами, отъ которыхъ ихъ прячутъ. Такимъ образомъ и изъ приведеннаго извѣстія видна связь кабана и плуга, основанная на томъ, на чемъ и сближеніе медвѣдя и волка съ плугомъ, т. е., на общемъ плугу и кабану представленіи рытья. Но трудно понять связь кабана, какъ животной формы плуга, роющего землю, съ солнцемъ. Нужно, кажется, допустить, что или вышеупомянутый Деркъ съ кабаномъ не есть Фро, или что Фро, выдѣлившись изъ другаго, болѣе древняго божества, совмѣщавшаго въ себѣ свойства и солнечнаго бога и бога, проявляющаго себя въ грозѣ, сохранилъ нѣкоторые признаки грознаго бога, между прочимъ рытье (тучи или земли). Кabanъ посвященъ и другому свѣтлому божеству, Бальдеру (Сканд. Baldr, Др.-Нѣм. Paltar и Phol, АС. Bældäg, Beldeg), который, по Гримму, соответствуетъ извѣстному намъ только по имени Слав. Бѣл-богу.⁸⁰ За Фро или Бальдера принимаютъ того всадника на свинѣ, который встрѣчается въ нѣсколькихъ Нѣмецкихъ сказкахъ.⁸¹ У насъ, быть можетъ, слѣдъ представленія солнечнаго

⁷⁹ Grimm, Myth. 191 — 194.

⁸⁰ Тамъ же, 948, 973.

⁸¹ Wolf, Beitr. II, 407 и слѣд.

бога верхомъ на вепрь сохранился въ слѣдующей Авсенной пѣснѣ:

.... Мосты мостити.

Кому мостами ѣздити?

Царю Государю.

«Если же, говоритъ издатель, вмѣсто словъ «Царю Государю» говорить «молодцу удалцу», тогда прибавляютъ:

На чемъ ему ѣздити?

На сивенькой свинкѣ.

Чѣмъ погоняти?

Живымъ поросенкомъ». ⁸²

Можетъ быть, теперь эта ѣзда на свинѣ не имѣетъ для поющихъ серьезнаго смысла, но первоначально этотъ молодецъ на свинкѣ, которому мостятъ мосты, какъ Авсеню и Царю, могъ самъ быть Авсенемъ.

По Тюрингенскому повѣрью, кто наканунѣ Рождества ничего не ѣстъ до ужина, тотъ увидитъ маленькаго золотого поросенка. ⁸³ Въ Швабіи въ это же время видятъ бѣлаго поросенка съ золотою цѣпью на шеѣ. ⁸⁴ У Чеховъ есть такое же повѣрье, что кто постилъ на щедрый вечеръ, т. е., сочельникъ, тотъ въ этотъ вечеръ увидитъ золотое поросенка. По Словацкому повѣрью, на Рождество (т. е., на сочельникъ?) видно, какъ это поросенка бѣгаетъ по вершинамъ стрѣхъ. Дѣти называютъ солнечный отблескъ въ зеркалѣ — «zlaté prasátko.» Въ Чешской дѣтской игрѣ «v zlaté prase» бросаютъ вверхъ золотое поросенка, т. е., круглый кусокъ дерева, и при этомъ кричатъ: «Na nebi zlaté prase ne trípme, toliko na zemi.» Въ Словацкой игрѣ того же названія прячутъ золотое поросенка, какъ въ Чехахъ, золотой перстень. ⁸⁵

⁸² Терещ. VII, 118.

⁸³ Grimm, Myth. 43. Гриммъ объясняетъ это повѣрье только тѣмъ, что съ давнихъ поръ, въ этотъ день поросенокъ былъ послѣднимъ кушаньемъ за ужиномъ.

⁸⁴ Wolf, Beitr. II, 412.

⁸⁵ Hanuš, Bajesl. kal. 11 — 12. Не понимаемъ, относится ли слѣдующее извѣстіе у Гануша къ Словацкой игрѣ, или къ повѣрью о появленіи золотого

Если на основаніи связи кабана съ Божичемъ и Фрейромъ принять этого кабана за символъ солнца, то нужно будетъ видѣть въ золотомъ, или бѣломъ, поросенкѣ недавно родившееся солнце. Въ Чешской игрѣ какъ бы призывается это солнце-поросенокъ на землю. Словацкая игра, какъ думаетъ и Ганушъ, символически изображаетъ, что солнце скрыто (до своего рожденія на Рождество).

б) Нѣкоторыя косвенныя доказательства того, что солнце представлялось быкомъ, приведемъ ниже. Здѣсь укажемъ только на Малорусскую загадку, въ которой день названъ воломъ, а ночь коровою: «Лысый волъ усѣхъ людей збивъ, чорная корова усѣхъ людей поколола», ⁸⁶ т. е., день пробуждаетъ, а ночь усыпляетъ людей. Объ отношеніи быка къ Рождеству свидѣтельствуетъ Червоно-русскій и Польскій обычай наряжать человѣка туромъ и ходить съ нимъ колядовать, или же славить въ мясоѣдѣ. ⁸⁷ Этотъ обычай, указывающій на посѣщеніе домовъ животнымъ образомъ божества, дополняется слѣдующимъ Галицкимъ: «На первый день Рождества гадаютъ по первому гостю о будущемъ счастьѣ, или несчастъѣ, всего дома, и по тому стараются еще до прихода гостей ввести въ избу скотину (теленка?), которая, говорятъ, приносить съ собою счастье.» ⁸⁸ Стало быть, скотина, какъ образъ божества, есть первый, самый желанный, гость. То же сочетаніе мыслей о первомъ гостѣ, богѣ и скотѣ, видно въ Чешскомъ повѣрью: «Если первый гость на первый день Рождества мужчина, то корова приведетъ въ этомъ году бычка, а если женщина, то теличку». ⁸⁹

поросати подъ Рождество: «кто видитъ золотое поросенка, тотъ говоритъ, что для того, чтобы найти его, нужно перейти море и сплести золотую веревку.» Ганушъ принимаетъ эту веревку за нить судьбы, которую прядутъ судицы. Это требуетъ доказательства, но несомнѣнно, что море есть небесное море облаковъ, и что, значить, золотое поросенка является на небѣ.

⁸⁶ Аван. Зооморе. бож. I, 21.

⁸⁷ Pauli, Pol. 2, 16. Pauli, Rus. I, 2.

⁸⁸ Pauli, Rus. I, 1.

⁸⁹ Krolmus II, 389.

У Чеховъ наканунѣ Рождества говорятъ дѣтямъ: «Если весь день будете постить, то ввечеру, когда появятся на небѣ звѣзды, увидите между ними золотое теля и золотыхъ поросятъ».⁹⁰ Это извѣстіе, равно какъ и приведенныя выше о золотомъ поросенкѣ, подкрѣпляетъ предположеніе, что рожденіе Божича и Коляды слѣдуетъ понимать, какъ рожденіе языческаго, солнечнаго бога. Данныя, изъ которыхъ созданъ мифъ о рожденіи солнца зимою, когда солнце поворачиваетъ на лѣто, очень хорошо сохранились въ Славянскомъ языкѣ и народной поэзіи.

Изъ значительнаго количества словъ видно, что по взгляду языка, жизнь (довольство, богатство, счастье, здоровье) и бодрствованіе есть свѣтъ, огонь, а наоборотъ смерть (несчастье, бѣдность, болѣзнь) и сонъ или дремота есть мракъ (мерцанье, слабый свѣтъ). Отсюда ежедневный восходъ солнца есть его рожденіе:

... Кадъ ме будишь, у очи ме любишь:

«Устань, срце, родило се сунце!»⁹¹

Сараните ліпу дѣвойку,

Откуда се ясно сунце рада,⁹²

т. е., лицомъ на востокъ. Закатъ солнца есть его смерть, откуда сравненія умирающихъ людей съ заходящимъ солнцемъ. Такъ, на примѣръ, жена причитаетъ надъ убитымъ мужемъ:

«Мой Дамляне, мое ярко сунце!

«Лѣпо ти ме бѣше обасяло,

«Алѣ ми брже за горицу заде.»⁹³

⁹⁰ У Чеховъ на 1-й день Рождества родители, возвращаясь отъ заутрени, показываютъ дѣтямъ зорю (zviretnice, jitrenka, krasopani, Венера) и говорятъ, что это свинья съ поросятами (Ганушь 11 — 12). Отождествленіе солнца со звѣздою, если оно здѣсь есть, можетъ происходить отъ того, что родившееся солнце показывается ночью, такъ что ближе всего искать его между звѣздами.

⁹¹ Карадж. Срб. пѣсм. I, 229.

⁹² Тамъ же III, 521.

⁹³ Тамъ же I, 406; III, 495 496.

Сила такого взгляда на закатъ солнца, какъ на его смерть, такова, что обыкновенныя слова для заката: заходить, садиться, получаютъ значеніе гибели, смерти. Эти слова могутъ по этому обидѣть солнце и должны быть замѣняемы другими: «Срблѣ кажу, да сунцу на валя ретѣ заде, нити сѣде, него смири се, ерѣ кадъ му се рече заде, онда оно рече: «зашао па не изишао!», а кадъ му се рече сѣде, онда оно рече: «сѣо, па не устао!», а кадъ му се рече смири се, онда оно рече: «смирѣо се и ти!»⁷⁴ Заходъ солнца есть его удаленіе, отходъ, по чему уходящіе люди сравниваются съ заходящимъ солнцемъ:

Сунце е намъ на заходу, брзо те намъ зать,

А невѣста на отходу, брзо те намъ потъ.⁷⁵

Но по очень распространенному у Славянъ представленію, умирающій отправляется въ дальній путь; отойти значитъ умереть, отходная — канонъ, читаемый надъ умирающимъ. По этому отвѣтъ солнца человѣку: «Зашао па не изишао!» значитъ: уйди безъ возврата, умри! Вѣроятно, подобный смыслъ имѣетъ и другой отвѣтъ. Самое слово смириться, успокоиться, отъ примѣненія къ заходу солнечному, получаетъ значеніе потушить свѣтъ, въ хорошемъ смыслѣ, т. е., безъ перехода мысли къ смерти,⁷⁶ и употребляется о гашеньѣ священной свѣчи: Серб. смирити свѣтю, угасить, каже се за крсну свѣтю, съ коѣмъ се устаетъ у славу; Костр. и Сибир. засмирить свѣчу — потушить свѣчу передъ образомъ. Подобное повѣрье и у Нѣмцевъ: «dorft keiner sagen sie (die Sonne) gieng unser, must sprechen, sie gieng zu röst und gnaden»,⁷⁷ по чему untergehen значитъ и заходить, и погибать.

Солнце есть источникъ жизни; пока оно живо, до тѣхъ поръ живетъ все на свѣтѣ; настоящая смерть земнаго существа возможна, по видимому, только съ заходомъ солнца. Такъ змѣя, говоритъ народъ, убитая утромъ, продолжаетъ двигаться до вечера; косари, т. е., оторванные ноги длинноногого паука, косятъ

⁷⁴ Рѣчн. 693.

⁷⁵ Србск. пѣсм. I, 33.

⁷⁶ Такой переходъ между прочимъ въ Олонец. затухнуть, о боровѣ: окопѣть.

⁷⁷ Grimm, Myth. 702.

до захода солнца. «Во многихъ Волошскихъ деревняхъ никого не хоронятъ до полдня, по тому что родные умершаго хотятъ направить его душу къ ея цѣли вмѣстѣ съ отходящимъ на покой солнцемъ. Они боятся, что душа покойника похороненнаго въ то время, когда солнце еще идетъ вверхъ, заблудится и станетъ жертвою какого ни будь рыщущаго вампира». ⁹⁸ Преслѣдованіе душъ упырями требуетъ еще объясненія, но изъ остальнаго очевидно, что душа находитъ покой только вмѣстѣ съ солнцемъ. ⁹⁹ Сонъ сроденъ со смертію, а по тому, по Сербскому повѣрью, «не слѣдуетъ спать, когда солнце заходитъ (залази)», чтобы, вмѣстѣ съ умирающимъ солнцемъ, не заснуть вѣчнымъ сномъ, чтобъ солнце не приняло спящаго за мертваго и не взяло души съ собою. Объ этомъ говорится въ пѣснѣ:

.... Говори госпа Бановица:

«О Кумрія, моя робинице!

«Пробуди ми два нека сина,

«Да ми дѣцу сунце не залази», ¹⁰⁰

Залазити, заходить, получаетъ здѣсь причинное значеніе: заставлятъ зайти (умереть).

Возможность перехода мысли отъ ежедневной смерти солнца къ зимней его смерти, и отъ ежедневнаго рожденія къ рожденію его зимою, при поворотѣ на лѣто, заключается въ томъ, что сонъ и смерть, какъ явленія противоположныя свѣту и жизни, какъ мракъ, сближаются съ зимою и морозомъ. Сонъ есть морозъ: Тверск. заснуть, объ озерѣ: замерзнуть. Зима есть ночь, мракъ: Стар. зима, Сѣверъ, иначе въ Русск. Польск. Чеш. полночь; въ Малорусской пѣснѣ выраженія: зиму зимувать и нѣчку ночувать — параллельны. ¹⁰¹ Въ Серб.

⁹⁸ Schott, Walach. Märch. 302.

⁹⁹ Славянскія повѣрья напоминаютъ слѣдующее Англійское: человекъ приходитъ въ міръ, когда начинается приливъ, и умираетъ на берегу не иначе, какъ во время отлива. Если больной переживетъ начало отлива, то значить, онъ будетъ жить до слѣдующаго отлива. Куперъ, Диккенсъ.

¹⁰⁰ Срб. пѣс. III, 406.

¹⁰¹ Мет. 240.

причитанъ зима прямо названа черною: црна зима.¹⁰² Одного корня со словами мракъ и смерть слѣдующія слова: Тверск. замерѣка, первое осеннее непогодье, мокрый снѣгъ съ дождемъ; Костр. замореки, заморозы передъ зимою; Влад. и Яросл. замерѣкъ, Влад. замерень, перевозимье. Предлогъ за обозначаетъ начало дѣйствія, названнаго корнемъ (ср. зазимье, первый снѣгъ), такъ что всѣ приведенныя слова значатъ: начало мрака, или начало смерти. Отсюда зима и мракъ имѣютъ одинаковыя переносныя значенія безобразія, стыда, ненависти, печали, несчастія, зла вообще. Доказывать это не считаемъ нужнымъ. Въ заключеніе приведемъ Серб. пословицу: «Питали курыка (волка), кадъ е найветя зима? а онъ одговори: кадъ се сунце радя»,¹⁰³ т. е., наибольший холодъ передъ поворотомъ солнца на лѣто (наибольшее несчастье передъ счастьемъ); впрочемъ, можно понимать и такъ, что наибольший холодъ — утромъ, передъ восходомъ солнца, хотя такое толкованіе менѣе вѣроятно, по тому, что волкъ имѣетъ особенное отношеніе не къ утру, а къ Декабрю, когда рожденіе солнца.

в) Названія быка, коровы переходятъ къ значенію оленя, лани. и наоборотъ: Польск. krowa, самка лоса; Русск. (Арх.) быкъ, олень самецъ; Чеш. jelená, srna, имена коровъ; коза, серна, козуля, изображеніе коня, оленя, или коровы; Польск. стар. karw, старый волъ, предполагающее формы крѣ-въ, кор-въ (ср. Лит. karwe, корова), одного происхожденія съ Лат. cer-vus, олень.¹⁰⁴ Уже отсюда можно бы, съ нѣкоторою вѣроятностью, заключить о сходствѣ Миѣческаго значенія быка и оленя.

Есть извѣстіе, что въ Германіи уже въ VI столѣтіи Церковь преслѣдовала обычай наканунѣ Новаго Года наряжаться оле-

¹⁰² Карадж. Ковчез. 104.

¹⁰³ Карадж. Посл. 248.

¹⁰⁴ И, вѣроятно, со Слав. сръ-на, сръ-на. Основное значеніе словъ корова, серна, cervus будетъ — бодающій, рогатый, если только можно отнести сюда же Греч. κέρως, Лат. cer-ni и Скр. глаг. срі, ломать, портить, откуда срінга, рогъ (по Бенфею), и вѣроятно сріск, stimulus, quo elephantum impelluntur, бодецъ.

нями ¹⁰⁵ т. е., ходить колядовать съ оленемъ, какъ у насъ ходять съ человѣкомъ, который наряженъ туромъ. Сербская колядка говоритъ о появленіи подъ Рождество Св. Петра верхомъ на оленѣ:

Уранила, коледо! стара майка, коледо!

Светой цркви на ютрѣну.

Сусрете е Свети Петаръ

На елену златорогу,

Златорогу и парогу:

«Врнѣ се нѣтрагъ, стара майко!

«Ево су ти гости дошли,

«Добри гости коледяни».... ¹⁰⁶

Олень приводится въ связь со Св. Петромъ и въ слѣдующемъ замѣчательномъ изъясненіи: «На границѣ Вельскаго и Тотемскаго Округовъ, близъ верховья Ваги, въ приходѣ Кочеварской волости, донинѣ ежегодно бываетъ въ первое воскресенье послѣ Петрова дня особенный народный праздникъ, на который собирается множество народа. Передъ обѣдней, убивъ быка, купленного на счетъ всей волости, разнимаютъ его на части и варятъ въ большихъ котлахъ; послѣ обѣдни и молебна Священникъ со всѣми богомольцами вкушаетъ отъ этихъ мясъ. Старинное преданіе гласитъ, что въ незапамятные годы на праздникъ сей выбѣжалъ изъ дремучаго лѣса олень; народъ, принявъ эту добычу за Божій даръ, убивъ и разнявъ на части, приготовилъ себѣ обѣдъ. Это продолжалось нѣсколько лѣтъ: но когда не явился олень, тогда поселяне убили быка для пиршества.» ¹⁰⁷ Съ этимъ сравните слѣдующее: «Монахи Корвейскаго Аббатства, нѣкогда очень бѣдные и благочестивые, имѣли обычай дѣлать торжественное угощеніе въ день Св. Вита. Разъ, когда къ этому дню не случилось у нихъ ни дичи, ни рыбы, ни вина, все это было имъ дано чудеснымъ образомъ: два оленя сами пришли на кухню, двѣ большія рыбы очутились на порогѣ, вода источника превратилась въ вино. Чудо повторялось ежегодно, пока живъ былъ Аббатъ, который умѣренно

¹⁰⁵ Wolf, Beitr. I, 103 и др.

¹⁰⁶ Карадж. Срб. пѣсм. I, 115, 116.

¹⁰⁷ Снег. Праздн. и обр. IV, 64, 65.

пользовался Божьими дарами: бралъ только одного оленя, одну рыбу и сколько нужно вина; но когда его жадный преемникъ забралъ и оленей и рыбъ и вычерпалъ все вино изъ источника, то чудо на слѣдующій годъ уже не повторилось.⁴⁰⁸ День Св. Вита, празднуемый теперь 15-го Іюня, прежде приходился гораздо позже, около 24-го Іюня и, судя по нѣкоторымъ обычаямъ, тождественъ у Славянъ съ праздникомъ равноденствія. То же могло быть и у Нѣмцевъ. Это подтверждаетъ мнѣніе Вольфа, который, основываясь только на связи оленя съ Фрѣ, приписываетъ этому послѣднему чудо въ Корвейскомъ Аббатствѣ. Отсюда возможно заключеніе, что и въ Русскомъ преданіи олень есть животное, посвященное солнцу, приносимое ему въ жертву и первоначально тождественное съ нимъ. Прекращеніе чуда, не объясняемое Русскимъ преданіемъ и приписываемое Нѣмецкимъ жадности монаха, на самомъ дѣлѣ могло зависѣть отъ измѣненій въ мысли народа. Смыслъ мифа (посѣщеніе земли солнцемъ - оленемъ въ одинъ изъ солнечныхъ праздниковъ) затмѣнился; мысль перестала нуждаться въ объясненіи извѣстнаго явленія природы періодическимъ появленіемъ бога, производящаго это явленіе, и по тому періодичность устранена, а посѣщеніе бога отнесено къ глубокой старинѣ. Что до Русскаго преданія, то: а) первое воскресенье послѣ Петра тождественно, по значенію, съ самимъ днемъ Петра, точно такъ, какъ у Сербовъ Мали Божить, Новый Годъ, черезъ недѣлю послѣ Божича, — то же что Божить, Мали Дюрлевъ данъ, черезъ недѣлю послѣ Юрья, то же, что Дюрлевъ данъ, Млади Ускрсь, первое воскресенье послѣ Свѣтлаго, то же, что Ускрсь, точно такъ какъ у Чеховъ и др. *Ochtab* (*octava*) *Sviček* (Богоявленія), Октава Ивана Крестителя, Петра и Павла и т. д., тождественны, въ обрядномъ мифическомъ отношеніи, съ самими праздниками. б) Св. Петръ, по народнымъ вѣрованіямъ, есть солнце, судя по тому, что онъ деверь на свадьбѣ мѣсяца и, слѣдовательно, молодъ, владѣетъ лѣтними жарами, виномъ и пшеницею, т. е., лѣтнимъ родомъ земли:

⁴⁰⁸ Wolf. Beitr., II, 423.

Фалила се звѣзда даница:

«Оженитю сыйнога месеца,

«Испроситю муню одъ облака....

...«Дѣверитю и Петра и Павла.

....Стаде муня даре діелити....

Светомъ Петру Петровске врутине.¹⁰⁹

Въ другой пѣснѣ о свадьбѣ мѣсяца дѣверемъ одинъ Петръ, а о Павлѣ совсѣмъ не упоминается:

Када свечи благо подѣлише,

Петаръ узе винце и шеницу,

И ключеве одъ небесногъ царства....¹¹⁰

Если Петръ — солнце, то олень, на которомъ онъ ѣдетъ, посвященъ солнцу, т. е., есть животная форма того же божества. Впрочемъ, объ оленѣ мы можемъ сказать то же и на основаніи слѣдующей свадебной пѣсни:

Не разливайси, мой тихой Дунай,

Не топи ты зеленые луга,

Во тѣхъ ли лугахъ ходитъ олень,

Ходитъ олень—золотые рога,

Щиплетъ олень шелковую траву.

По мосту, мосту по калиновому,

Тутъ шлолъ прошолъ Андрей господинъ,

Встрѣчу ему бѣлой олень.

Онъ хлыснулъ оленюшку плеточкой,

Возговорилъ ему бѣлой олень:

«Ты не хлыщи, Андрей господинъ!

«Въ нѣкоторо време я тебѣ самъ пригожусь:

«Станешь жениться, я на свадьбу приду,

«Золотые рога я съ собой принесу,

«Золотыми рогами весь дворъ освѣчу,

«Всѣхъ я твоихъ тѣхъ гостей взвеселю,

«Больше тово—невѣсту твою,

«Невѣсту твою, Зинаиду душу,

«Чтобъ она и не плакала,

«Не надрывала свою бѣлу грудь.»¹¹¹

¹⁰⁹ Карадж. Срб. пѣсм. 155.

¹¹⁰ Карадж. Пѣсм. II. 2, 3.

¹¹¹ Записано мною въ Пенз. Губерніи. Разночтеніе см. въ Боярскихъ пѣсняхъ Кохановской.

Олень является на свадьбу, какъ по Нѣмецкому повѣрью — на Рождество. Его бѣлый цвѣтъ и золотые рога, которыми онъ освѣщаетъ весь дворъ и возвеселяетъ гостей и невѣсту (освѣтить—взвеселить — одно изъ самыхъ обыкновенныхъ сближеній въ Славянскихъ пѣсняхъ), прямо указываютъ на солнце. Рога оленя сравниваются съ солнцемъ и въ слѣдующей Сербской пѣснѣ:

Што се сія край горе зелене?
Да лъ е сунце, да лъ е мѣсечина?
Нить е сунце, нить мѣсечина,
Ветъ два златца рога одъ елена,
У нима су два града градена ¹¹² и т. д.

5. Къ числу символовъ солнечнаго бога слѣдуетъ отнести и хлѣбъ. Этому не противорѣчатъ указанія на связь хлѣба съ громомъ и огнемъ. Если эти указанія вѣрно нами поняты, и если вѣрно, что, вмѣстѣ съ тѣмъ, хлѣбъ есть солнце, то это можно бы объяснять не только тѣмъ, что какъ въ единичной мысли, такъ и въ народной, возможны въ разныя времена различные взгляды на одинъ и тотъ же предметъ, но и тѣмъ, что громъ и солнце находятся въ Миоическомъ родствѣ.

О святости хлѣба есть довольно свидѣтельствъ. Въ Малороссіи жито называется святымъ: «снѣпъ святого жита;» «хлѣбъ святой.» По Сербской пословицѣ: «житни купаць а дѣвоячки отаць не могу сретњи бити,» ¹¹³ по тому что счастье несомвѣстимо съ грѣхомъ, а торговать хлѣбомъ (и въ Малороссіи мѣстами), продавать дочь (т. е., выдавая за мужъ)—грѣхъ. ¹¹⁴ Подобнымъ образомъ и свѣчка въ церкви, какъ вещь священная, въ Малороссіи не покупается, а вымѣнивается. У Чеховъ, а безъ сомнѣнія и у другихъ Славянскихъ племенъ, есть не мало предрасудковъ, основанныхъ на вѣрѣ въ святость хлѣба: кто такъ не внимателенъ къ хлѣбодару Божьему, что упустить его на землю, тотъ, поднявши,

¹¹² Карадж. Срб. пѣсм. I, 166.

¹¹³ Србск. посл. 81.

¹¹⁴ Сличите обрядъ продажи косы, сравненіе жениха съ купцомъ, невѣсты съ товаромъ въ свадебныхъ пѣсняхъ и пр.

долженъ его поцѣловать; кто разбрасываетъ хлѣбныя крохи, тотъ по смерти будетъ ихъ собирать съ кровавыми глазами; кто ѣвши хлѣбъ, крошитъ его на землю, за тѣмъ подбираетъ крохи чортъ, и если по смерти эти крохи будутъ вѣсить больше самаго человѣка, то чортъ беретъ его душу; хлѣбъ, котораго по чему ни будь нельзя ѣсть, нужно бросить въ затопленную хлѣбную печь; въ домѣ не слѣдуетъ быть ни одной ночи безъ хлѣба, по тому что въ случаѣ несчастья, хорошо прежде всего вспомнить о дарѣ Божьемъ и такимъ образомъ прійти въ себя.¹¹⁵ На найденную вещь нужно трижды плюнуть, а потомъ уже поднять, по тому что иначе эта вещь, если она очарована, можетъ навести на человѣка болѣзнь. Но хлѣбъ можно смѣло поднять и ѣсть, по тому что надъ даромъ Божьимъ ни злой духъ, ни клеветы его, не имѣютъ власти.¹¹⁶ Такъ и въ Нѣмецкой сказкѣ: Отецъ мельникъ, подозрѣвая, что младшій сынъ-дуракъ, лучше разумныхъ братьевъ исполняющій отцовскія порученія, имѣетъ связь съ нечистою силою, обѣщаетъ оставить мельницу тому изъ сыновей, который принесетъ наилучшій хлѣбъ: въ такомъ дѣлѣ нечистая сила не поможетъ.¹¹⁷ Въ силу такого же противопоставленія хлѣба и темныхъ силъ, по Словацкому обычаю, въ пеленки новорожденного кладутъ кусокъ хлѣба, чтобъ никто дитяти не сглазилъ.¹¹⁸ Нѣмцы, когда несутъ дитя крестить, кладутъ въ пеленки по немногу хлѣба и соли, чтобъ ни вѣдьмы, ни злой духъ не имѣли власти надъ ребенкомъ.¹¹⁹

Хлѣбъ святъ не только по тому, что онъ есть даръ Божій: онъ самъ есть живое, божественное существо. Такой взглядъ могъ поддерживаться вліяніемъ Христіанства, какъ видно, на пр., изъ Чешскаго повѣрья: «Кто колетъ ножомъ хлѣбъ, тотъ поражаетъ

¹¹⁵ Houska III, 52.

¹¹⁶ Тамъ же II, 534.

¹¹⁷ Grimm, K. Märch. I, 187.

¹¹⁸ B. Němcové Obr. ze Slov. VII. Ж. Ч. М. 1859, стр. 504.

¹¹⁹ Wolf, Beitr. I, 206. У кого есть съ собою кусокъ хлѣба, надъ тѣмъ не имѣетъ силы «die wilde jagd». Тамъ же II, 159. Въ Славоніи хлѣбъ и соль кладутъ въ пеленки, чтобъ дѣтя было богато. III 21. Но соль — средство отъ чаръ.

Исуса Христа; но вполне не можетъ быть объясненъ Христіанствомъ. У Чеховъ говорятъ: грѣхъ на ночь оставлять хлѣбъ не покрытымъ, по тому что хлѣбъ тоже спитъ; кажется, такое же повѣрье есть и въ Малороссіи. Въ дѣтствѣ я слышалъ Малороссійскую сказку, въ которой хлѣбъ противопоставляется змѣѣ, подобно тому, какъ выше — вѣдьмѣ и чорту. Змѣя, увидѣвши хлѣбъ на столѣ, позавидовала ему и стала спрашивать, какъ онъ дошелъ до такого почета. Хлѣбъ отвѣчаетъ, что не даромъ онъ теперь въ чести, что до этого онъ претерпѣлъ многія муки: его молотили, мололи, мѣсили, въ печи пекли, и за тѣмъ уже положили на столъ. Змѣя хочетъ и себѣ того же, но не выдерживаетъ и перваго испытанія. Сказка эта носитъ признаки глубокой древности. Во первыхъ, изъ сказки объ томъ, какъ Кузьма оралъ змѣемъ, видно, что мелкія змѣи родились изъ тѣла великаго змѣя; на нихъ, стало быть, могло перейти мифическое значеніе змѣя (Врітры, многократно замѣняемаго въ позднихъ сказаніяхъ чортомъ), врага грознаго подателя хлѣба. Во вторыхъ, муки хлѣба объясняютъ, по чему именно змѣя завидуетъ хлѣбу. Мученья хлѣба встрѣчаются не въ одной только нашей сказкѣ: «Пшеница бо много мучима, чистъ хлѣбъ подаетъ, а въ печали обрѣтаетъ человѣкъ умъ свершень» (Дан. Заточн.); Сербъ говоритъ о человѣкѣ, который вытерпѣлъ и видѣлъ многое: «Прошао е и крозъ сито и крозъ решето», ¹²⁰ т. е., терпѣлъ, какъ хлѣбъ; въ Великорусск. тертый есть эпитетъ калача: «Девять печей хлѣба испечено, десятая печьтертыхъ калачей»; ¹²¹ не терши, не мявши, не будетъ калачъ»; тертый калачъ — опытный человѣкъ, многое испытавшій, подобно хлѣбу. ¹²² Муки приписываются хлѣбу на томъ основаніи, что какъ мученіе печаль изображается въ языкѣ какъ слѣдствіе колотья, дробленья, ¹²³ такъ хлѣбъ есть,

¹²⁰ Карадж. Срб. посл. 264.

¹²¹ Сах. Сказ. Р. Н. 3, 139.

¹²² Отголосокъ сказанія о мукахъ хлѣба вѣроятно дѣтъ и въ слѣдующемъ шуточномъ Малоросс. обращеніи къ вареникамъ: «Вареники победеники (бѣдныя; или: «Вареники мученики)! Въ окропѣ кипѣли, вы жѣ за насъ муку терпѣли: сыромъ боки позаниханы, масломъ очи позаливаны» и пр.

¹²³ Слово *мѣка* одного корня и образованія съ мука. Мука значитъ собств. то, что смолото, раздроблено. При Старо-Слав. *мѣка* находимъ Сл. *макѣтъ*,

какъ показываетъ наша сказка, пища, приготовленная изъ разбитаго смолотаго зерна¹²⁴. Народная поэзія сближаетъ

Польск. *miękki* собств. раздробленный, мелкій, какъ видно изъ Серб. *meko* жито, ситно жито, мелкое зерно, потомъ мягкій. Такое же сочетание представлений и въ Литовскомъ: *mink-gti*, мѣсить тѣсто (мать), *menkas*, малый, незначительный, плохой; *minksztas*, мягкій. Тотъ же корень безъ суф. к въ Слав. *ма-ти*, *ми-ж*, Лит. *min-ti*, *min-u*, при коихъ многія слова съ значеніемъ малый, отчасти милый, на пр., *ми-ни*, обл. Вр. *мин-дра*, мелочь, *минька*, милая женщина, Лат. *min-uo*, *min-og* и т. д. Крушиться, печалиться, объясняется нагляднымъ значеніемъ сл. крушить, кроха и т. д. Пол. *troska*, скорбь, забота ср. съ трощить, трость, Чеш. *trestati*, наказывать (собств. бить?), трескать, бить, обл. Великор. треска, трески, крохи хлѣбныя (мелкое, разбитое) Чеш. *třesna*, *častěcky kolačů pletenci*, рещей и пр., которыя на свадьбахъ раздаются дѣтямъ и зрителямъ. Пол. *trąpić*, мучить, ср. съ обл. Вр. *трѣпать*, тяжело ступать, бить объ землю ногами (рвать землю; см. О нѣкотор. симв. въ Слав. нар. поэз. 147), Лит. *trepstu*, *tręp-ti*, тонать, *trųp-u*, *trųp-ėti*, крошиться, ломаться, *trąpus*, хрупкій, ломкій. Бѣда значить собств. слѣдствіе колотья, рванья, или мучительное состояніе: Скр. *бѣд*, *бѣинадми*, колоть, рвать и т. п., *бѣда*, расколъ, щель, раздѣленіе, разнища. — Скр. *kĕda*, усталость, печаль, отъ *kĕud* (бить), толкать, давить; Скр. *дара* (отъ к. дар., отбит. и по значенію Славянскому драть), яма, пещера (вырытое, раскопанное), и отчаяніе, страхъ. Скр. *дѣна*, малый, испуганный, печальный, жалкій отъ *дѣ*, сроднаго съ *дѣ*, рѣзать, косить.

¹²⁴ Мы не знаемъ названій хлѣба съ такимъ именно значеніемъ, по тому что Нѣмецкое *Brot*, сродное, по Гримму, съ *brachen*, а равно и Серб. *крухъ*, одного происхожденія съ крушить, могутъ значить: то, что ломается, дробится зубами, жуется. Но многія названія зерна, каши, пищи болѣе простой и, конечно, по времени предшествовавшей печеному хлѣбу, значать собственно растолченное, смолотое: 1) трогать, бить, рвать, толочь — представленія сродныя: сравните Великороссійское трогать и Старо-Слав. *трѣгати* (съ соотвѣствующими Сербской, Чешской и Польской формами), рвать, дергать, Малороссійск. *торкать*, трогать и Великорос. *толкать*; Сербск. *дирати*, трогать, съ *драть*, рвать и *тодочь*, обдирать шелуху, откуда круподерня, гдѣ дерутъ крупу; рыть, копать (и рвать; корень того и другаго — ру, Санскрит *ṛu*, колоть, рѣзать, рвать). Сравн. съ Областнымъ Великороссійскимъ рыть, трогать («не рой его», не трогай); того же корня Польское *ru-sz* (сравн. пу-хъ, ду-хъ, смѣ-хъ), движеніе, Велико-русское рушать, рушить, рѣзать (хлѣбъ, мясо, «бѣлаго лебедя рушати» ткани), сдирать шелуху съ зерна, толочь (крупорушья) и Польско-Малороссійское *ruszać*, рушати, трогать (суффиксъ здѣсь давно сросся съ кор-

слова, означающія произведение, слѣдствіе дѣйствія, и дѣйствующее лицо или орудіе. Такъ, на примѣръ, млинъ, собственн. жерновъ, мелющій (ср. Великорусск. блинъ, Малорусск. млинець, названные такъ, вѣроятно, по тому, что круглые, какъ

немъ; онъ замѣтиль въ Славянскомъ, чѣмъ въ Санскр. руш, рус, ferire, laedere, occidere, и Литов. rūs-as, яма для картофеля и пр., Rusne, собственное имя рѣки (сравни. Слав. рус-ло, собственно ровъ, вырытое). Въ корнѣ кас находимъ значенія рыть, рвать, трогать: Лит. kas-ti, копать, рыть, kassuti, чесать въ головѣ, чистить скребницей лошадь, Слав. чес-ать (основн. форма кас), чесать и рвать. (см. О нѣкоторыхъ символахъ 143 — 144), касаться, детрогиваться: на основаніи аналогіи съ руш-ать и дра-ть предполагаемъ и въ кас-ать значеніе: рушать (крушу), и отъ этого значенія производимъ слово каша, собственно то же, что Чеш. tluć, tluće, обточенное, или крупно смолотое, зерно. 2) Дрозжи собственн. не вещество, производящее броженіе, и не гущу, осадокъ пива, или вина, какъ Серб. дрожда, — ина, Чеш. droždě, а ободранное, растолченное зерно. Это видно изъ словъ съ разными измѣненіями того же корня (трость, дроздь, троскъ, друзъ, дрызгъ) и съ общимъ значеніемъ: бить, ломать: трошить, Чеш. trestati, Пол. druzgać, druzgotać, Лит. treszkiu, treksz-ti, давить, выжимать, su-traszkiuti, о градъ: побить. 3) Серб. дрон, Wein-treber, тропь, тоже и осадокъ въ топленомъ маслѣ, тропина, то же, Пск. дроба, квасная гуща, Гв. дреба, солодовая закваска, оловина, Дон. дробъ (м.), выжимки виноградные, заторъ солода съ мукою, оставшійся по слитіи съ него сусла. Основное значеніе то же, что и въ Сл. дрожжи, какъ видно изъ Слав. тропыть, трапъ, яма, Лит. trer-ti, Русс. и др. дробный, мелкій. (Очень вѣроятно, что кор. трап, траб, драб, сроденъ съ корнемъ драг, трак, предполагаемымъ формами druzgotać, трошить. Въ такомъ случаѣ Лит. drebė-ti, тренетать, и Сл. дрогнуть, дрожать — одного происхожденія). 4) Съ общеслав. словомъ крупа (Чеш. kupa и т. д.), каша и мелкій градъ, Нѣм. Graupe, сравни Арх. крупинный, самый мелкій, и противоположное по знач. крупный, Серб. крупанъ (о соли, мукѣ, толстомъ человѣкѣ). Та же противоположность въ Сл. дробный, мелкій и (Пск. Тв.) здоровый, тучный, Лит. dgaubus, о скотѣ и человѣкѣ: толстый, плотный. Со Сл. крупа ср. также Обл. Великор. кряпать, бить, хряпать, ломать, хропаться, ломаться, хрупкій, ломкій, хrapки, хропки, хряпки, хрупки, трески, и нѣкотор. друг. 5) Пшеница, пшено, ошибочно сливаются съ Лат. panisum, Нѣм. Feinisch, родъ проса. Областн. Великорусск. формы пашеница, пашенно, указываютъ на кор. пѣх, пах, который находимъ въ словахъ: Влад. пахаты хлѣбъ, мясо — рѣзать, Русс. пахать землю, Чеш. pachatí (старин.), орать (рѣз-ать землю), Польс. parzyć pachimie (oppos. siek-mie), sztychem, pchnieniem, punctatim, Малор. пахати,

жерновъ), сближается въ Малорусск. пѣсняхъ съ милъ, которое первоначально значило мелкій, малый, можетъ быть, мягкій, а потомъ уже милый, но вмѣстѣ и съ синонимомъ слова молить, собственно смягчать просьбою:

Закотилось сонечко за новенькій млинъ:

Цѣлуютца, милуютца, а хто кому милъ.

Ой млинъ меле, ой млинъ меле, не колесомъ, листомъ:

Выкликае (т. е., умоляетъ) Козакъ дѣвку не голосомъ, свистомъ:

«Выйди, выйди, дѣвчинонько, моя, не чужая,

«Выйди, выйди, дѣвчинонько, потѣхо ты моя!»

Польс. *psach*, Чеш. *pschat*, *psiti* (кор. пѣх), пихать, Русск. о-пихать, Чеш. *opischat*, обдирать пестомъ въ ступѣ зерно, очищать отъ шелухи. Другая форма того же корня есть пис, Скр. пиш, пинашмо. = Лат. *pisere*, толочь, мѣсить, *pistare*, молоть. Отсюда *pisum*, горохъ, будто бы по тому, что «*pisitur ante quam coquatur*», и Слав. пѣс-ѣкъ, собств. мелкое, какъ бы смолотое. Относительно послѣдняго сравн. Лит. *smiltis*, песокъ, отъ корня *mal* (*malti*), молоть. 6) Слав. зръ-но, Лит. *žirnis*, горохъ, Гот. *kaugu*, Ново-Нѣм. *Korn*, рождь, и Нѣм. *Kern* (ср. Польск. *restka*, косточка плода, отъ кор. пис), по формѣ равны, Санскр. *джирна*, *tri-tus*, и значить: то, что мелютъ, или мелкое (Боппъ, Гриммъ). Къ этому прибавимъ: а) Какъ Лит. и Нѣм. слово, такъ и наше зерно переходитъ къ частному значенію въ Сибир. зернетъ, овесъ; б) усиленіе Славянскаго корня гръ = Скр. *джри* именно гра съ суф. *x*, образуетъ Сл. гра-хъ, горохъ; в) какъ крупа значить: каша и градъ, такъ со сл. *gpaum* и *грахъ* можно сблизить *grando* и градъ, хотя гра въ этомъ послѣднемъ не принимаетъ полногласія въ Русск. 7) Вѣроятно, что браш-но, борош-но, одного корня съ брать и значить почти то же, что мукъ, т. е., смолотое или растолченное. Брать значить также и хватать, рвать («ленъ брать» = Бѣлор. *лѣнь* и *рваць*, Лит. *linus gauti*), жать (Серб. жито брати), рубить, откуда Старо-Слав. бра-ды, сѣкира, пахать, откуда боро-на; вѣроятно, оно имѣло и значеніе толочь.

Замѣтимъ названія орудія, которымъ быють, толкутъ, мелютъ, родственныя съ нѣкоторыми изъ преведенныхъ названій зерна: при каша и касать — Санскр. *каш*, тереть, чесать (тѣло), царапать и *каśā*, *каśā*, каша, бить; при пшено и пѣс-ѣкъ — пестъ, т. е. (какъ видно изъ Чеш. и Польск. формы *pist*, *pia st*), пѣсть, Лат. *pistillum*; Польск. *piasta*,

Ой на горѣ на Самборѣ камень муку желе:

Питаеся (просить, спрашиваетъ) Козакъ дѣвки:

«Чи поѣдешъ за мене?» (Pauli, Rus. II, 199).

Подобнымъ образомъ хлѣбъ, какъ пища изъ смолотаго зерна, можетъ сближаться съ жерновомъ, какъ мелющимъ. Впрочемъ, основаніемъ такого сближенія можетъ быть и круглый, подобный жернову, видъ хлѣба. Но жерновъ, круглый камень — оружіе громоваго бога; у Индры — чакра (चक्र), дискъ. Отсюда сближеніе хлѣба и грознаго бога. По Нѣмецкому повѣрью, «однажды мальчикъ пастухъ покатилъ съ горы круглый сыръ, а за нимъ хлѣбъ, и глядя, какъ хлѣбъ катится за сыромъ, сказалъ: *«düvel rennt un üse lève Gott krigt em.»* За такое богохульство камень, на которомъ онъ стоялъ, разсѣлся и онъ провалился подъ землю.» Хлѣбъ названъ богомъ, преслѣдующимъ чорта; но такой богъ есть обладатель перуна, который самъ сближается съ хлѣбомъ: въ Сѣверной Германіи мѣстами во время грозы говорятъ: *«De lewe Hergott Smitt mit den Brotknust.»* Чортъ, замѣнившій змѣя и великановъ (которые бѣгутъ отъ грома, скатываясь съ горы, въ видѣ клубка или шара), сближенъ съ сыромъ. Въ Германіи, какъ и у насъ, Миоическое значеніе сыра то же, что и значеніе хлѣба,¹²⁵ но это не мѣшаетъ ихъ противоположенію: такъ богъ грома и змѣй, хотя враги, но имѣютъ много общаго, именно сражаются одинаковымъ оружіемъ. Изъ всего этого видно, что въ Малороссійской сказкѣ змѣя завидуетъ хлѣбу, какъ воплощенію грознаго бога.

Обрядный Рождественскій хлѣбъ у Сербовъ называется весѣлица (что указываетъ, можетъ быть, на отношеніе не только къ веселью, но и къ свѣту), чесница,¹²⁶ и мѣсится самимъ хозяиномъ утромъ на первый день Рождества; въ Славоніи этотъ хлѣбъ называется кривица; у Чеховъ необходимая принадлеж-

Чеш. *písta* значить и ступицу колеса, т. е., первоначально ступу, какъ Лит. *pésta*; при зрьно — жрьновъ, Гот. *gaigrnis*; при молотъ — молотъ.

¹²⁵ Kuhn и Schw. Norddeut. Sag. 45, 475.

¹²⁶ Отецъ, благословляя молодыхъ хлѣбомъ, говоритъ:... «Якій сей хлѣбъ чесный та величный, такіи щобъ и вы були!»

ность «щедрого вечера», т. е., кануна Рождества — хлѣбъ, называемый *váposka*, или *štedrovka*, *štedrovnice*, *pleténice*; у Поляковъ — *strnela*. Вездѣ этотъ хлѣбъ пшеничный, у Сербовъ и Хорватовъ непременно прѣсный. Богослужебное значеніе этого хлѣба и вмѣстѣ его отношеніе къ урожаю видно изъ сличенія слѣдующихъ обрядовъ. По разсказу Саксона Грамматика, у Руанъ на послѣжатвенномъ празденствѣ Святовида жрецъ, совершивши возліаніе богу, ставилъ между собою и народомъ сладкій круглый пирогъ, вышиною почти въ ростъ человѣка, и спрашивалъ у Руанъ, видятъ ли его? Когда они говорили, что видятъ, онъ желалъ, чтобъ на слѣдующій годъ за пирогомъ его совсѣмъ не было видно. Вѣрили, что этотъ обрядъ способствуетъ счастью народа и обилію слѣдующей жатвы.¹²⁷ Круглый пирогъ, вѣроятно, имѣлъ отношеніе къ Святовиду, солнечному богу, въ честь коего совершалось празденство; но такъ какъ такой же самый обрядъ у Малороссіянъ и Сербовъ имѣеть мѣсто на Рождество и подъ Новый Годъ, то возможно, что Рождественскій хлѣбъ имѣеть отношеніе не ко грому, а къ солнцу. Въ Малороссіи, какъ говорятъ, на Щедрый или Багатый вечеръ (31 Дек.) хозяйка готовитъ множество варениковъ, книшей, пироговъ, и поставивши все это кучею на столъ, затепливъ свѣчу передъ образами, накуривъ ладаномъ, проситъ мужа «исполнить законъ». Отецъ семейства долженъ стать на покути, за кучей печенья. Когда дѣти, войдя и молясь, спрашиваютъ: «Де жъ нашъ батько?» Онъ спрашиваетъ ихъ въ свою очередь: «Хыба жъ вы мене не бачите?» — Не бачимо, тату. — Дай же, Боже, щобъ и на той рѣкъ нѣ побачили!» Этѣмъ онъ выражаетъ желаніе, чтобъ и въ будущемъ году было такое же изобиліе всего, какъ и въ настоящемъ.¹²⁸ У Сербовъ: «Приповѣдаю, да се у Херцеговини милаю на божить съ чесницомъ, т. е., узму двоица чесницу, па е окретю медю собомъ и пита еданъ другога: «Милаю ли се?» (т. е., виденъ ли я изъ за чесницы?). Онай му одговори: «Милаш мало.» А онай први онда речетъ: «Сад

¹²⁷ Срезн. Святца. и обр. 77 — 78.

¹²⁸ Срезн. тамъ же.

мало, а до године ни мало,» т. е., да роди жито добро и да тако велика буде чесница, да се ни мало не помила иза не.»¹²⁹

Въ Чехіи хозяйка, вымѣсивши Рожественскій хлѣбъ, идетъ въ садъ и замазанными тѣстомъ руками обнимаетъ плодовые деревья, чтобъ на тотъ годъ было много плодовъ.¹³⁰ У Сербовъ золою съ чесницы посыпаютъ шелковичныхъ червей, чтобъ ихъ было много, какъ порошинокъ въ золѣ.¹³¹ Въ чесницу запекаютъ золотую, или серебряную, монету, за завтракомъ ломаютъ чесницу, каждому даютъ по куску, и въ чьемъ кускѣ найдется эта монета, тотъ, говорятъ, будетъ счастливѣе всѣхъ въ будущемъ году. Въ Герцеговинѣ кладутъ въ чесницу и гвоздь изъ лошадиной подковы (у кого есть лошади), и въ чьемъ кускѣ найдется этотъ гвоздь, тотъ будетъ счастливѣе другихъ въ присмотрѣ за лошадьми.¹³² Этотъ обычай есть и въ Германіи и Франціи, гдѣ въ Крещенскій хлѣбъ запекаютъ яблоко, или бобъ. Кто найдетъ въ своемъ кускѣ этѣ вещи, того называютъ Королемъ дня, и дѣлаютъ ему подарки.¹³³ Въ Славянской символикѣ яблоко есть, между прочимъ, подарокъ въ знакъ любви, и вообще подарокъ, на прим., въ Сербск.: «Твоя ябука не те погинути», не пропадетъ твой подарокъ. Въ Сербіи, за недѣлю до свадьбы, отецъ невесты даетъ отцу жениха яблоко съ воткнутымъ въ него цекиномъ.¹³⁴ Какъ битва вообще, такъ въ частности поединокъ, сближается съ брачнымъ пиромъ и вообще бракомъ. Такъ у Черногорцевъ секунданты называются деве-рами. Этѣмъ объясняется, по чему яблоко, символъ сватовства, есть вмѣстѣ и символъ вызова на поединокъ. У Черногорцевъ вызывающій посылаетъ своему сопернику яблоко. Этотъ слѣдуетъ яблоко, въ знакъ того, что принимаетъ вызовъ, и отдариваетъ яблоками же, назначая при этомъ часъ и мѣсто (Меда-

¹²⁹ Карадж. Рѣчн. милати се.

¹³⁰ Ноуѣка II, 330.

¹³¹ Карадж. Рѣчн. Божить.

¹³² Тамъ же, Чесница.

¹³³ Nannus, Vaj. kal. 17.

¹³⁴ Карадж. Ковчез. 46 и слѣд.

ковить, Жив. и Обич. Црног. 83). Бобъ имѣетъ очень определенное значеніе въ Сербской пѣсни, которую сосѣдки поютъ родильницѣ на бабинахъ, т. е., во время обрядныхъ посѣщеній послѣ родовъ:

Ой на делу на голему бобъ се зелени;

А ко га е посею те се зелени?

Мирко (отецъ новорожденного) га е посею те се зелени,

Ружа (мать) га се позобала, сердце е боли. ¹³⁵

Страданія родильницы представляются здѣсь слѣдствіемъ того, что она наблась бобовъ. Вѣроятно, на томъ же основаніи, т. е., по виду, напоминающему дѣтородный мужескій членъ, или по чему другому, и горохъ есть символъ оплодотворенія. Въ извѣстной сказкѣ Котигорошкѣ женщина затяжелѣла, съѣвши найденную на пути горошину, и родила богатыря. ¹³⁶ Судя по этому, яблоко и бобъ и въ Нѣмецкомъ и Французскомъ обычаяхъ указываютъ на связь Рождественскаго хлѣба, между прочимъ, съ плодородіемъ браковъ. Не можемъ не указать здѣсь на противорѣчіе нашему предположенію объ отношеніи Рождественскаго хлѣба у Славянъ къ солнцу. У Германцевъ горохъ посвященъ богу грома. Яблоко, по Славянскимъ, впрочемъ, очень не яснымъ, свидѣтельствамъ, то же связывается, даже отождествляется, съ громомъ и молніею:

Въ Сербской пѣснѣ у источника сидитъ красавица. Паша собираетъ шесть сотъ сватовъ и идетъ за нею:

«Кадъ то видѣ лісна дѣвойка,

«Есте млада рієчъ говорила:

«Фага Богу, чуда великога!

«Да ли е се паша помаміо?

«Кога хоте да узме за любу,

«Да онъ узме сунчеву сестрицу,

«Мѣсечеву првобратучеду,

¹³⁵ Карадж. Рѣчн. Бабине.

¹³⁶ Въ Нѣмецкой сказкѣ бобъ или фасоль (Bohne) — замѣна самаго человѣка: оставленное бѣгущимъ зерно отвѣчаетъ за него, какъ въ другихъ сказкахъ слюна, или кровь. Grimm, K. Märch. III, 97.

«Даничину Богомъ посестриму!»

....Те извади три ябуке златне,

«И бачи ихъ небу у висине.

Натаче се свата шесь стотима,

Ко те пріе уграбить ябуке;

Но три муне одъ неба пукоше:

Єдна гадя два девера млада,

Друга гадя Пашу на дорину,

Третья гадя свата шесь стотина. ¹³⁹

.....Стайла те гледала,

Дѣ се муня съ громомъ игра.

Муня грома надиграла

Двѣма, трима, ябукама

И четирма наранчама. ¹⁴⁰

По Длугошу, когда Болеславъ Кривоустый, отправляясь на Прусаковъ и Поморянъ, собралъ войско у Крушвицы, къ войску этому явился чудеснымъ образомъ прекрасный юноша въ бѣлой блестящей одеждѣ. Этотъ, когда войско приблизилось къ Наклу, укрѣпленному городу Поморянъ, бросилъ на городъ золотое яблоко, и исчезъ. Это было предвѣстіемъ победы. ¹⁴¹ Свѣтлый Ангелъ, можетъ быть, замѣнилъ здѣсь грома; Инд. Индра называется разорителемъ городовъ, Пурандара.

Выше приведенныя свидѣтельства объ отношеніи кабана, быка и оленя къ Рождеству и солнцу дополняются слѣдующимъ. Въ селеніяхъ Шенкурскаго и Вельскаго Округовъ приготавливаютъ къ празднику Рождества изъ пшеничнаго тѣста изображенія коровъ, быковъ, овецъ и другихъ животныхъ (какихъ?) и пастуховъ. Этѣ фигуры ставились на окна, для показа проходящимъ, на столѣ съ утра (24 Дек.) красовались для семейства, а вечеромъ разсылались въ подарокъ роднымъ. ¹⁴² Тере-

¹³⁹ Карадж. Пѣсн. I, 157—158.

¹⁴⁰ Тамъ же 161.

¹⁴¹ Siemieński 18.

¹⁴² Сах. Сказ. Р. Н. 2, 69.

щенко ¹⁴³ прибавляетъ, что и въ Малороссіи, хотя не повсюду, дѣлаютъ изъ ржаного, или пшеничнаго, тѣста кониковъ, ягнятъ, коровъ, быковъ, и дарятъ ими дѣтей. Тотъ же самый обычай въ Малороссіи соблюдается и на свадьбахъ. ¹⁴⁴ Намъ говорили, что кромѣ кониковъ и коровокъ, на свадьбахъ въ Малороссіи пекутъ изъ тѣста и оленей. Это возможно, по старой памяти. Олень, хотя и очень рѣдко, но упоминается въ Малороссійскихъ пѣсняхъ. Въ Германіи, особенно въ прежнихъ Славянскихъ (Вендскихъ) земляхъ, тоже пекутъ изъ тѣста кабановъ, коней и пр. ¹⁴⁵ Этотъ обычай оставилъ прочныя слѣды въ нѣсколькихъ названіяхъ Рождественскаго и свадебнаго хлѣба: Серб. браварица, крухъ, копи се у Кастелима (ок. Сплѣта) мѣси о Божитю, као у насъ (въ Сербіи) чесница; тако се за то зове, што су по нему начинени различни брави (скотъ: волю, овцы), а и діете у бешици. ¹⁴⁶ Великорусск. (Костромск.) козуля, изображеніе коровы изъ прѣснаго тѣста (козули дѣлаются и продаются только передъ Рождествомъ); пряникъ съ отпечаткомъ золоченаго коня, оленя, или другаго животнаго (тамъ же); ватрушка (тамъ же). Въ Семицъ, въ Перехотскомъ Уѣздѣ, пекутъ для дѣвицъ круглыя, въ видѣ вѣнка, козули съ яйцами и украшаютъ ихъ бантами изъ тѣста. ¹⁴⁷ Тамъ же на свадьбѣ, послѣ рукобитья (сговора), пиръ съ козулею, въ домѣ невѣсты: онъ называется такъ по тому, что отъ жениха приносятъ невѣстѣ сладкій большой пирогъ, называемый козулею; куски этого пирога невѣста разсылаетъ подругамъ. ¹⁴⁸ Московская коровка, хлѣбецъ или лепешка, приготовленная для раздаванія Колядовщикамъ вечеромъ 24 Декабря. Великороссійскій коровай, круглый большой хлѣбъ вообще, круглая глыба сала,

¹⁴³ Терещ. VII, 38.

¹⁴⁴ Тамъ же II, 310.

¹⁴⁵ Wolf, Beitr. I, 119. Kuhn, Nordd. Sag. 406. Непосредственное сближеніе хлѣба и вола находимъ въ Хорватской загадкѣ: «Naš mrkonja (бурый волъ, хлѣбъ) bez kože u štalu (въ хлѣвъ, т. е., въ печь) unide, a s kožom na polje» (Шіс, 229).

¹⁴⁶ Карадж. Рѣчн.

¹⁴⁷ Діевъ, «въ Чтеніяхъ» 21.

¹⁴⁸ Тамъ же 25.

или сыра; короваецъ, -чикъ, круглый пирогъ съ курицею, сви-
ниною, или другою начинкою (Симб. Новг.); блинъ изъ пшенич-
ной муки, и вообще блинъ (Рязан. Тамб.). Къ этому подходитъ
Лит. karwójus, karwójus, ein Fladen, Ostenfladen. Малороссій-
скій коровай, какъ мѣстами и въ Великороссіи, только свадебный
хлѣбъ. Сербскій краваѣсъ, часть, што сватове и званице носе на
свадбу» — значеніе очень широкое, по тому что гости, приглашен-
ные на свадьбу, посылають, накануне свадьбы, въ домъ жениха
полбарана съ головою, большой хлѣбъ, украшенный позолочены-
ми цвѣтами и хоруговками и два боченка вина. Частное значеніе,
равное Малорусскому, а равно и суф. ай видны въ Серб. кра-
вайноша, та, которая выносить коровай, т. е., хлѣбъ гостямъ.¹⁴⁹

Хлѣбъ вообще, и въ особенности коровай (отъ котораго мы
заключаемъ къ Рождественскому хлѣбу), сближается съ солн-
цемъ (мѣсяцемъ, звѣздами) и небомъ: Малороссійское: «Хлѣбъ
выпеченный якъ сонце»,¹⁵⁰ т. е., румяный; загадка: «Повна пѣчь
паляницъ, по серединѣ книшъ» зн. звѣзды и мѣсяцъ; небо срав-
нивается съ ночью, по тому что и въ печи есть небо: «За лѣсомъ
за пролѣсомъ (т. е., за облаками) золота дѣжа кисне»; или: «Чер-
вона дѣжа сходить», т. е., солнце. При печеньѣ свадебнаго коро-
вая поють:

Свѣти, мѣсяцю, зъ раю

Нашому короваю,

Абы бувъ коровай красный,

Якъ сонейко ясный.¹⁵¹

Когда коровай спечень:

Ой Богъ намъ давъ,

Коровай нашъ вдавь:

¹⁴⁹ Какъ въ Сл. коровай переходъ значенія отъ обряднаго хлѣба къ обыкно-
венному, такъ и въ Сл. баранки. Въ Вербное Воскресенье, въ Нерехотскомъ
Уѣздѣ, пекутъ въ маслѣ на сковородѣ шарики, называемые баранками;
въ нѣкоторыхъ мѣстахъ варятъ ихъ въ конопляномъ соку: сіи баранки упо-
требляютъ въ пищу, пришедши отъ обѣдни; ими тогда же кормятъ овецъ
(Діевъ 20—21); баранокъ, барашекъ—крендель вообще.

¹⁵⁰ Зап. о Ю. Р. І. Г. *«Сонце якъ хлѣбъ»*.

¹⁵¹ Pauli, I, 67.

Ясный-красный
 Якъ мѣсяченько,
 Якъ яснее соненько. ¹⁵²

Можетъ быть коровай называется краснымъ, но только въ смыслѣ прекраснаго. Терещенко говоритъ, что у Саратовскихъ переселенцевъ изъ Украйны коровай окрашивается красною краскою ¹⁵³ (можетъ шафраномъ?), въ цвѣтъ солнца. Коровай «грае», какъ солнце:

По столу коровай грае,
 А все въ печь зазирае. ¹⁵⁴

Коровай прямо называется раемъ, т. е., небомъ:

Ой раю жъ то мой, раю,
 Пшеничный короваю!
 Зъ семи керницъ водиця,
 Зъ семи стогѡвъ пшениця. ¹⁵⁵

Слѣдующая пѣсня, въ которой риѣмуется коровай съ раемъ, заключаетъ въ себѣ непонятный намекъ:

Выйся, короваю,
 Ще вище одъ гаю,
 Якъ душенька по раю
 А рыбонька по Дунаю. ¹⁵⁶

Обиліе сравненій не даетъ остановиться ни на одномъ изъ нихъ. Сравненіе высоты коровая съ лѣсомъ, можетъ быть, основано на представленіи солнца (символомъ коего, по видимому, служить коровай) деревомъ. ¹⁵⁷

Какъ выше свѣтъ роговъ оленя, пришедшаго на свадьбу, такъ въ Малороссійскихъ пѣсняхъ свѣтъ и красота коровая приносятъ веселье и славу:

¹⁵² Метл. 164.

¹⁵³ Терещ. II, 510.

¹⁵⁴ Pauli I, 104.

¹⁵⁵ Тамъ же 85.

¹⁵⁶ Метл. 163.

¹⁵⁷ На пр., въ загадкахъ о солнцѣ: «Стоить верба насередъ села, розпустила гѡлье на все подѡлье»; «Стоить дерево насередъ села: въ каждой хатцѣ по гѡлячцѣ» (Вѣн. 280). Отсюда и годъ, опредѣляемый теченіемъ солнца, пред-

До бору, бояри, до бору,
 Рубайте сосну здорову,
 Рубайте жъ еи дробненько,
 Щобъ вона горѣла ясненько,
 Щобъ нашъ коровай ясень бувъ,
 А нашъ Андрѣйко (женихъ) веселъ бувъ! ¹⁵⁸

Підитьвы, братоньки, сосонки утнѣть,
 Абы нашъ коровай красно ся впекъ,
 Абы нашъ коровай бувъ,
 Абы нашъ молоденькій славень бувъ. ¹⁵⁹

Въ этѣхъ пѣсняхъ, кромѣ связи коровай со свѣтомъ и веселіемъ, слѣдуетъ замѣтить сближеніе коровай съ женихомъ. Что точно коровай символъ жениха, это подтверждается и слѣдующимъ. На коровай выносятъ «очёпокъ», которымъ покрываютъ голову молодой, въ знакъ того, что она становится замужнею женщиною. Кажется, пѣсня, которая при этомъ поется, намекаетъ, что виновникъ покровенія—коровай:

Ей доглядайся, Ганулю,
 На що коровай внесено!
 На короваю повиване,
 На твою косу покрыване. ¹⁶⁰

Другую пѣсню:

Пытаеця коровай у перепечи:
 «Чи есть стежечка до клети?»—
 Ой есть стежечка да маленькая,
 Абы наша рутолька зелененька,
 Абы наша Марусенька молоденька, ¹⁶¹

издатель относитъ «къ древнему обычаю выносить на ночь съ суботы на воскресенье коровай, въ комору»; но мы поняли ее, какъ

ставляется деревомъ: «Стоитъ дубъ, а въ дубѣ дванадцать гôлякъ, въ кождой гôль по чтире гнѣзді, въ кождомъ гнѣздѣ по семь птахъ» (Тамъ же 297).

¹⁵⁸ Rulikow. Opis. Pow. Was. 206. Въ другихъ мѣстахъ вмѣс. «молодой» поютъ «рôдъ»: «Щобъ намъ увесъ рôдъ веселъ бувъ» (Метл. 162).

¹⁵⁹ Pauli, I, 105.

¹⁶⁰ Wójcicki. Piśni II, 142.

¹⁶¹ Метл. 165.

намекъ на то, что отъ коровай происходитъ потеря дѣвства: рута—постоянный символъ дѣвства и топтать руту—лишать дѣвства; стежка, про которую спрашиваетъ коровай, идетъ ко клѣти, по тому что тамъ кладутъ спать молодыхъ. Такъ понимаемъ и слѣдующую пѣсню:

Питаюсь коровай у перепечи:—

«Чи е стежка до печи?»—

Ой е стежечка да маленькая,

Муравочка зелененькая;

Ой заросла да суничникомъ,

А зацвѣла полуничникомъ.¹⁶²

Трава—дѣвица, дѣвство; сунница (клубника), полуница (земляника), вѣроятно, то же; впрочемъ, другихъ примѣровъ не знаемъ. Перепечь—невѣста, коровай—женихъ; быть имъ вмѣстѣ въ печи.

По народной символикѣ, ѣсть значитъ любить.¹⁶³ Если коровай есть женихъ, то невѣстѣ отвѣдать коровай до вѣнца будетъ значить, до брака насладиться любовью жениха. Этимъ можно бы объяснить, по чему «если невѣста наканунѣ свадьбы отвѣдаетъ коровай, то мужъ не будетъ ее любить.»¹⁶⁴ Вездѣ молодые, и потомъ гости, ѣдятъ коровай послѣ вѣнца. Этимъ, между прочимъ, отличается коровай отъ Великороссійской козули, которую невѣста разсылаетъ подругамъ послѣ рукобитья.¹⁶⁵

¹⁶² Тамъ же 163.

¹⁶³ О некоторыхъ симв. 19. Воплѣ обыкновенны примѣры половинныхъ сравненій, то есть, такихъ, въ которыхъ, на пр., дѣвица ни съ чѣмъ не сравнивается, а тотъ, кого она любитъ—съ хлѣбомъ, который она ѣсть.

¹⁶⁴ Въ Нерехотскомъ Уѣздѣ, Костромской Губерніи, на другой день послѣ свадьбы, за завтракомъ, подаютъ круглый пирогъ, называемый шишуде (Мордовское слово), со сдѣланными изъ тѣста фигурками птицъ, елей и пр. и жениха и невѣсты, кои держатъ другъ друга за руки. За этою шишудею всѣ сродники цѣлуются съ молодыми (Діевъ, 25). Быть можетъ, коровай и въ другихъ мѣстахъ дѣлятъ между гостями, чтобъ они любили молодыхъ, какъ молодымъ онъ дается, чтобъ они любили другъ друга. Для такой цѣли, какъ говорить пѣсня, украшаютъ коровай: «Короваю жъ мой, Маю! Я жъ тебе убираю Да въ рожевіи квѣти, Щобъ любилися дѣти» (Метл. 163).

¹⁶⁵ Сравн. Терещ. II, 133, 139, 138, 361—483.—Pauli, P. L. R. 65.—Sumlork 359—664.—Терещ II, 363—366.

Въ Великороссіи вмѣстѣ съ короваемъ разносятъ гостямъ и сыръ,¹⁶⁶ приглашаютъ «на сыръ-коровай», то есть, на свадьбу. Въ Малороссіи присыпаютъ коровай сыромъ (какъ и у Чеховъ),¹⁶⁷ кладутъ на сподъ коровай «тридевять варениковъ» съ сыромъ. Согласно съ такою связью коровай съ сыромъ, въ Малороссійской пѣснѣ теща сравниваетъ зятя съ сыромъ:

Ой сыру жь мой, сыру, да бѣлый же ты свѣту;

Ой зятю жь мой, зятю, да милый же ты сыну!¹⁶⁸

Изъ такого сближенія солнца, коровай и жениха можно вывести, по меньшей мѣрѣ, то, что солнце представляется здѣсь божествомъ мужескимъ. Что есть и женское солнечное божество, имѣющее отношеніе къ браку, это мы увидимъ ниже.

Не знаемъ, въ подтвержденіе, или въ опроверженіе, связи коровай и солнца, послужать довольно многочисленныя свѣдѣнія о связи коровай и вообще брака и пѣтуха. Дѣло въ томъ, что пѣтухъ имѣетъ несомнѣнное отношеніе къ земному огню, а этотъ огонь можетъ отождествляться и съ огнемъ солнца, и съ огнемъ бури.

Извѣстенъ старинный Великорусскій обычай кормить молодыхъ въ спальнѣ жаренымъ пѣтухомъ и обрядъ разрывающа жареной курицы молодыми.¹⁶⁹ У Чеховъ невѣста, незадолго до свадьбы, одна, или вмѣстѣ съ женихомъ, приноситъ и даритъ пѣтуха Священнику;¹⁷⁰ съ этимъ ср. Западно-Малороссійскій обычай: послѣ свадьбы несетъ она къ попу коровай, покрытый цвѣтнымъ платкомъ, или бѣлымъ ручникомъ, съ завернутыми въ него деньгами, а братъ молодой — пѣтуха.¹⁷¹ Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Чехіи передъ самымъ вѣнцомъ, въ другихъ — на третій день послѣ свадьбы, тор-

¹⁶⁶ Терещ. II, 366.

¹⁶⁷ Sumlork I, 363.

¹⁶⁸ Метл. 193.

¹⁶⁹ Терещ. II, 53. — Бусл. Оч. I, 47.

¹⁷⁰ Wojcicki II, 145 — 146.

¹⁷¹ Sumlork I, 337.

жественно, съ музыкою и пѣснями, выводятъ пѣтуха подъ липу, или на другое мѣсто, гдѣ собираются лѣтомъ, и тамъ пламраѣ (родъ дружка, или свадебнаго шута) мечемъ рубить голову этому пѣтуху и кровью его окропляетъ присутствующихъ.¹⁷² Очевидный остатокъ жертвоприношенія. Связь пѣтуха съ короваемъ видна какъ изъ того, что коровой во многихъ Губерніяхъ зовется курникомъ,¹⁷³ такъ и изъ Чешскаго обычая печь, вмѣстѣ со свадебнымъ короваемъ (kolač), курочекъ и пѣтушковъ изъ тѣста. Это мелкое печенье разбрасываютъ народу, когда послѣ свадьбы перевозятъ молодыхъ на новое жилье.¹⁷⁴ У Болгаръ женихъ, собравшись ѣхать за невестою, даетъ крестному отцу (онъ же и посаженный кумъ) огромный коровой, унизанный разноцвѣтными ягодами и позолоченными букетами. Когда молодые выѣзжаютъ къ вѣнцу, то родители невесты вымѣниваютъ у кума коровой на хорошаго пѣтуха, украшеннаго монетами и цвѣтами, и кумъ даритъ его жениху на заводъ.¹⁷⁵

6. Переходимъ къ третьему ряду Рождественскихъ и свадебныхъ обычаевъ, связанныхъ единствомъ основнаго значенія и указывающихъ на женское божество, образъ коего довольно ясно сохраненъ народною памятью.

а) Каша у Сербовъ и Хорватовъ варится съ особенными обрядами нѣсколько разъ въ теченіи зимнихъ праздниковъ, т. е., начиная со дня Великомученицы Варвары (4 Декабря) до Богоявленія (6 Генваря). Повтореніе обряда свидѣлствуетъ о внутренней связи этихъ праздниковъ. Каша, которая варится на Варвары, изъ смѣшаннаго зерна всѣхъ сортовъ, у Сербовъ называется Варица (уменьшит. отъ Вара, Варвара). Обыкновенно эту кашу ставятъ въ печь еще вечеромъ наканунѣ Варварина дня, а ѣдятъ холодною на третій, и послѣ Саввы (5 Декабря), на Николая (6 Декабря). По этому поется:

¹⁷² Тамъ же 347, 360.

¹⁷³ Терещ. II, 364, 366.

¹⁷⁴ Sumlork, 365.

¹⁷⁵ Княж. Обыч. Болг. 74.

Варварица вари, ¹⁷⁶

А Савица лади,

Николица куса.

У Малороссіянъ кутя варится «на багатый вечеръ» (на канунъ Рождества) и стоитъ на покутѣ до новой кути наканунѣ Крещенья. У Великороссіянъ наканунѣ Рождества готовится къ ужину «изъ крупъ — каша, а изъ пшена и ячменя кутя сочельницкая»; ¹⁷⁷ въ другой разъ — на Васильевъ день.

Указанія на религіозное значеніе этой каши довольно ясны и состоятъ частью въ обрядахъ при ея приготовленіи, частью въ гаданьѣ по кашѣ. Въ Великорос. «варенье каши (на Васильевъ день) совершается до свѣта. Старшая въ домѣ изъ женщинъ въ два часа утра приноситъ изъ амбара крупъ. Старшій изъ мужчинъ приноситъ воды изъ рѣки, или колодезя. Крупы и вода стоятъ на столѣ до тѣхъ поръ, пока истопится печь; до нихъ никто не касается, иначе это сочтется худымъ признакомъ. Кѣгда нужно затирать кашу, все семейство садится за столъ, а старшая женщина причитаетъ, размѣшивая кашу: «Сѣяли, растили гречу во все лѣто; уродилась наша греча и крупна и румяна; звали, позывали гречу въ Царьградъ побывать, на Княжой пиръ пировать; поѣхала греча въ Царьградъ со Князьями, съ Боярами, съ честнымъ овсомъ, золотымъ ячменемъ; ждали гречу, дожидали у каменныхъ вратъ; встрѣчали гречу Князья и Бояре, сажали гречу за дубовый столъ пиръ пировать; пріѣхала греча къ намъ гостевать». Изъ всего этого причитанья мы замѣтимъ только, что гречиха — Княгиня, и что она приходитъ къ людямъ въ гости, какъ Божичъ, Авсень и солнечныя животныя. ¹⁷⁸ Послѣ этого причитанья «всѣ встаютъ изъ за сто-

¹⁷⁶ Варвара и варить сближаются и у Великорос., но на другомъ основаніи: «къ Варварину днюз има дорогу заварить» (Сах Сказ. Р. Н. 2, 7, 69), т. е., «закуетъ», скрѣпить морозомъ.

¹⁷⁷ Сах. Ск. Р. Н. 2, 7, 69.

¹⁷⁸ Странствованіе гречи въ Царьградъ, очевидно, основано на имени: Великороссійская гречиха, Малороссійская гречка, Польская грюка. Другой рассказъ о гречихѣ (Сах. 2, 7, 33 35), что она Царевна, бывшая въ плѣну у Татаръ, согласенъ съ другимъ Польскимъ ея названіемъ tatarka, Чешск. roňanka.

ла, а хозяйка съ поклонами ставитъ кашу въ печь. Потомъ снова садятся за столъ въ ожиданіи каши.»¹⁷⁹

«Когда поспѣетъ каша, тогда, вынимая горшокъ изъ печи, хозяйка говоритъ: «Милости просимъ къ намъ во дворъ со своимъ добромъ! (каша, значитъ, желанный гость, приносящій добро). «Прежде всего осматриваютъ, полонъ ли горшокъ. Нѣтъ болѣе несчастья, какъ если каша выльзетъ изъ горшка вонъ. Это явная бѣда всему дому. Худое предвѣщаетъ, если треснулъ горшокъ. Потомъ снимаютъ ножомъ пѣнку: каша красная, полная предвѣщаетъ счастье всему дому, будущій урожай и талантливую дочь; каша мелкая, бѣлая угрожаетъ бѣдами.» При хорошихъ признакахъ кашу ѣдятъ, при худыхъ — выбрасываютъ въ рѣку.¹⁸⁰ Сербы гадаютъ по Варицѣ: «Варица се обычно, готово свуда, пристави (у очи Варина дне) у вече, па се у ютру гледа, съ кое е стране наврела, те на оной страни сію жита оне године, еръ кажу, да те онамо найболе родити». — «У Боци наставе Варицу по вечери само, да се мало смлачи (согрѣется), па у ютру гледаю, каква е одозго: ако надю по нѣй гукѣ и брегове (горбы, волдыри, холмы), онда веле, да слуги на богаство; ако ли буду путови и пукотине (дорожки и расѣлины), онда веле да слуги на смръть и на гробове».¹⁸¹ Подобнымъ образомъ гадаютъ и на Рождество: «У Грблю гледаю на Божить, съ кое те имъ стране пинята (горшокъ съ чѣмъ? съ кашею?) наврети, па коме наври одъ истока, онай се нада сретѣ оне године».¹⁸² Востокъ, какъ и въ другихъ случаяхъ, счастливая сторона. Въ Бѣлой Руси гадаютъ объ урожаѣ на уваркѣ каши наканунѣ Рождества.¹⁸³

Въ Галицкой Руси за ужиномъ, наканунѣ Рождества, когда ѣдятъ кутю (изъ пшеницы, маку и меду), хозяйинъ, набравши ея

¹⁷⁹ Сах. Санскр. Р. Н. 2, 7, 2.

¹⁸⁰ Сах. Ск. Р. Н. тамъ же.

¹⁸¹ Карадж. Рѣчн. Варица.

¹⁸² Тамъ же, Божить.

¹⁸³ Терещ. VII, 37.

въ ложку, бросаетъ вверхъ. По количеству зеренъ, приставшихъ къ потолку, судятъ объ урожаѣ въ будущемъ году.¹⁸⁴

Весьма важно, что кашею въ нѣкоторыхъ мѣстатъ посыпаятъ, и что отъ посыпанья въ иныхъ случаяхъ зависятъ ея благотворныя дѣйствія: «У Боци... поспу нѣме (кашею Варицею) по кути, говорити: «Оволико люди, волова, бродова (лодокъ, судовъ), коня, улишта (ульевъ), пила (птицы домашней, цыплятъ), коша (корзинъ съ кукурузою), да се плоди плодъ и родъ!» По томъ иду те посиплю нѣме улянике, говорити: «Урочници и урочнице низъ улицу, ненавидници и ненавиднице низъ улицу, бѣгунци и бѣгунице низъ улицу,¹⁸⁵ а мое челе путь истока узъ улицу. Ни на мору моста, ни на псу рога, ни на длану (ладонь) длака (волосы), ни на мое челе урока!»¹⁸⁶ И въ другихъ случаяхъ каша связывается съ обсыпаниемъ: въ Великороссіи на именинахъ ѣдятъ, и именинникъ посылаетъ знакомымъ, гречневую кашу, или пирогъ съ кашею.¹⁸⁷ Такой пирогъ разламываютъ надъ головою именинника, и это значитъ, что цѣлый будущій годъ жить ему въ довольствѣ. Чѣмъ болѣе разсыпается по немъ каша, тѣмъ жить ему достаточнѣе.¹⁸⁸ Впрочемъ, самое варенье каши имѣетъ цѣлью урожай хлѣба, что мы видѣли выше, и плодородіе скота. Въ Сербіи когда варится Варица, дѣти поютъ:

Вара вари варицу,
Да се радю ярице,

¹⁸⁴ Отъ гаданья по обрядной кашѣ ведетъ начало гаданье по всякой кашѣ, а не на оборотъ: «Если стоящая въ печи каша выйдетъ вонъ, то случится въ домъ несчастіе» (Тер. VI, 4); если каша въ печи выйдетъ на поверхность горшка, и эта выпуклость наклонена въ задъ печи, то это значитъ счастье и изобиліе, а если въ устьѣ печи, то разореніе дома и бѣдность хозяину (Абевега 218).

¹⁸⁵ Бѣгунци и пр., распутные люди. Ср. объясненное Буслаевымъ Славян. потѣбѣга, соответствующее Скр. пунсчалъ, бѣгающая за самцомъ, мужемъ. Кажется, есть повѣрье, что у распутныхъ людей не водятся пчелы.

¹⁸⁶ Карадж. Рѣчн. Варица.

¹⁸⁷ Діевъ 25.

¹⁸⁸ Абевега 207.

И біеле ягнице,
И дѣтити и юнчиті. ¹⁸⁹

Предполагаемая связь каши и сыпанья подтверждается тождествомъ значенія варенья каши на Рождество, или на Варваринъ день, и обычая посыпать зерномъ.

Въ Малороссіи, на Новый Годъ, на разсвѣтъ отправляются мальчики, парубки и старые люди посыпать всякимъ зерномъ изъ торбы, или изъ рукавицы. При посыпаньи приговариваютъ, между прочимъ: «На щастя, на здоровья, ¹⁹⁰ на новее лѣто! роди, Боже, жито, пшеницю, усяку пашницю!» Ихъ дарятъ деньгами и пирогами. Посыпальное зерно собираютъ съ особыми замѣчаніями и хранятъ до весенняго посѣва. ¹⁹¹ Нѣкоторые хватаютъ бросаемыя зерна, и по количеству захваченныхъ въ руку зеренъ разнаго хлѣба судятъ объ урожаѣ на своей нивѣ. Парубки ходятъ посыпать только въ такіе дома, гдѣ есть невѣсты. Этихъ посыпальщиковъ угощаютъ съ особеннымъ радушіемъ, по тому что они, по замѣчанію стариковъ, приносятъ съ собою богатство дому и счастье семейству. ¹⁹² Въ Тульской Губерніи на Васильевъ дѣти, разсыпая зерна яроваго хлѣба, говорятъ: «Уроди, Боже, всякаго жита по закрому!» и пр. Старшая женщина въ домѣ собираетъ на полу зерна и хранить до посѣва. ¹⁹³

Въ Сербіи этотъ обрядъ совершается на первый день Рождества: «Полажайникъ понесе у рукавици жита, на кадъ назове съ врата: «Христось се роди», онда поспе из руке житомъ по куті (а изъ куте ко поспе негѣ и одговори му: «Ва истину роди»),

¹⁸⁹ Карадж. Рѣчн. Варица.

¹⁹⁰ Какъ зерно, которымъ посыпаютъ, такъ и каша, имѣетъ цѣлебную силу: въ Сербіи Варицу даютъ скоту, для здоровья, мажутъ ею шею валамъ, чтобы не было у нихъ лѣтомъ ссадинъ.

¹⁹¹ И каша имѣетъ связь съ весеннимъ посѣвомъ. Въ Великороссіи бѣдущаго сѣять въ началѣ посѣва на полѣ встрѣчали дѣти съ гречневою кашей (См. Сх. Р. Н. 2, 7, 49).

¹⁹² Терещ. VII, 108 — 109.

¹⁹³ Сх. Сх. 2, 7, 23.

на онда скреше бадняке» и пр. У Хоратовъ полежаи обыкновенно зять хозяевамъ того дома, куда идетъ насыпать. Когда онъ входитъ на дворъ, хозяйка (теща) обсыпаетъ его зерномъ. Вошедши въ сѣни, онъ кормитъ зерномъ птицу.¹⁹⁴ Въ комнатѣ его сажаютъ «и ргісѣлѣ» (въ передній уголъ, или у чела печи?), на двѣ, или на три, подушки, съ которыхъ онъ не смѣетъ встать, пока не позавтракаетъ.¹⁹⁵ Отпускаютъ его домой уже послѣ ужина, съ гостинцами: крвницею (прѣснымъ хлѣбомъ Рождественскимъ) колбасами, стегномъ заоблицы и платкомъ отъ тещи. Мы не находимъ извѣстія о Варицѣ у Хорватовъ, но за то полежаи у нихъ ходитъ не только на Рождество, но и на Варваринъ день. Кто первый въ этотъ день войдетъ въ избу, тотъ и полежаи. Его насыпаютъ зерномъ, послѣ чего онъ кормитъ птицъ. Хозяйки сердятся, если первый гость мужчина (и въ этомъ, между прочимъ, отличіе отъ подобнаго Рождественнаго обычая), по тому что это значитъ, въ этомъ году будетъ больше пѣтуховъ, чѣмъ куриць.¹⁹⁶

Если варенье каши и насыпанье сырымъ зерномъ первоначально тождественны, чему ниже приведемъ еще одно доказательство, то несомнѣнно, что оба эти обряда символически изображаютъ дождь, который сыплется на землю, подобно сѣмому зерну. Но такъ какъ земная вода въ мифахъ постоянно отождествляется съ небесной, то каша и обсыпанье должны находиться въ связи и съ землею водою.

Одно изъ основаній сравненія насыпанья и дождя состоитъ въ томъ, что сыпучія зерна мелки, какъ капли дождя. Самое сравненіе сыпанья и литья весьма обыкновенно въ языкѣ: постоянный эпитетъ дождя мелкій (Мр. дробень дощъ, Чеш. drobný

¹⁹⁴ У Сербовъ, чтобъ куры хорошо пелись, кормятъ ихъ зерномъ, въ которомъ потушены свѣчи, горѣвшія на канунѣ Рождества, «кадъ се мирбожаю.» На Руси кормятъ куръ насыпальнымъ зерномъ, и по ихъ клеванью гадаютъ о будущемъ урожаѣ (Тер. VII, 105). У Чеховъ вечеромъ подъ Рождество кормятъ самцовъ всякой домашней птицы, поставивши ихъ въ кругъ, образуемый положенною на полу цѣпью съ воза, или обручемъ съ дежи, чтобъ птица далеко не заходила, а держалась бы хозяйскаго двора (Sumlork 279—280).

¹⁹⁵ Вѣроятно, по тому, по чему въ Малороссіи и Червонной Руси гостя приглашаютъ садиться: «щобъ усе добре сѣдало.»

¹⁹⁶ Піс 100 — 101, 94.

dešť sitno pršetí, Серб. ситна киша); выраженіе «мелкій дождь» можетъ быть замѣнено однимъ словомъ, именно Чеш. prch, prs, мелкій дождь, которое сродно съ Сл. прахъ = порошокъ, Чеш. prchatí, прыскать и т. д. Слово прахъ (предполагающее, по всему вѣроятію, Сл. прахъ, дождь, а не на оборотъ), заключаетъ въ себѣ такимъ образомъ сравненіе дождя и пыли. Сравните также слѣдующее: Обл. Великорусское бусать, пить (что предполагаетъ, или ведетъ за собою, значеніе литья, жидкости); бусъ, пьяный человѣкъ, мелкій дождь и мелкая мука, осѣдающая на стѣнахъ мельницы; бусить, мелко дождить и пылить мукою. Обл. Великорусс. бурить, лить жидкости болѣе, чѣмъ сколько нужно, Серб. бурити, мочиться, Велокорусск. буриться, имѣть при вычку мочиться (о ребенкѣ), пурить, мочиться, пура, засыха, пырка, дѣтскій муж. дѣтородн. удъ; при этихъ словахъ съ основнымъ знач. литья¹⁹⁷ Пенз. Саратов. пурынь зола, выбрасываемая изъ печей, топимыхъ соломою; сюда же можно отнести Серб. прпа, припоръ (съ удвоеніемъ; кор. пър=пур), зола съ водою и просто песокъ. Сыпать, какъ извѣстно, не только о зернистомъ, или мелкомъ, но и о жидкости; послѣднее значеніе (лить) древнѣе перваго. Точить, заставлятъ течъ (на пр., точить вино), просѣвать на решетѣ (Малор. Чеш.), просыпать, на пр., пшено (Тамб.); быть можетъ, основаніемъ сближенія въ этомъ словѣ литья и сыпанья служитъ третье значеніе. Слич. точить, именно катить, кружить: капля въ струѣ воды, какъ зерно, кружится, катяся. Разливанье и разсыпанье имѣютъ одинаковыя переносныя значенія потери, разлуки, печали.¹⁹⁸ Расточать (имѣніе) значитъ собственно разливать и разсыпать; точно такъ и Серб. просути, просипати значитъ: проливать, просыпать и расточать. Согласно съ этими образами расточенія добра служатъ: прахъ и пыль, уносимые вѣтромъ, и слюна, которая расходится по водѣ: «такъ якъ вихоръ злетить, та летить не звѣсно куды, то такъ наше добро розтеклось (ср. прахомъ пошло), якъ слина на водѣ.»¹⁹⁹

¹⁹⁷ Ср. буря, собств. не вѣтеръ, а дождь; пурга, собств. дождь, не извѣстно въ знач. мятели, вьюги, вѣтра съ дождемъ.

¹⁹⁸ О нѣкотор. симв. 103 — 105.

¹⁹⁹ Синонимъ сл. прахъ есть пухъ. Такъ, на пр., въ тождесловномъ выраженіи: «въ пухъ и прахъ» и въ слѣдующемъ:

Связь каши, посыпанья и воды видна въ обычаѣ въ день Варвары, или на Рождество, посыпать воду кашею: «У Боци Варицу носе на воду, и нѣме посыпаю воду, говорети: «Добро ютро, ладна водо! ми тебе варице, а ти нама водице и ярице (пшеницы), янице и мушке главице, и сваке сретиче.»²⁰⁰ Потомъ уже, воротившись съ воды, посыпаютъ кашею въ избѣ. На первый день Рождества, «када у ютру устану, найпріе отиде едно, те донесе воде, али понесе житка те поспе воду (као полази нѣй), кадъ къ нѣй доде. Томъ водомъ уміесе чесницу и налію ручакъ те пристае.»²⁰¹ Тоже соблюдается въ этотъ день и въ Славоніи. Не нужно доказывать, что здѣсь посыпанье воды, представляемой божествомъ, есть приносимая ей жертва. Жертва и божество, которому она приносится, находятся во внутренней связи, указываютъ другъ на друга. Какъ, на примѣръ, кабанъ, приносимый въ жертву богу Фрѣ, есть его священное животное и его животный образъ, такъ и каша, приносимая водѣ, есть образъ воды, и отъ этой послѣдней заимствуетъ свои миоическія свойства.

Свойства и сила Рождественской, или Крещенской, воды видны изъ слѣдующаго. Снѣгъ, собранный въ Крещенскій вечеръ и опущенный въ колодязь, можетъ сохранить въ немъ воду во весь

И онъ сжегъ ея тѣло бѣлое.

... Онъ правѣлъ пухъ по чисту полю (Сл. Ск. Р. Н. 1, 3, 203).

Сл. пухъ отъ кор. пу, дуть, Серб. пухати=пувати, тоже; собств. пухъ-раздуваемое, уносимое вѣтромъ. Какъ пухъ и прахъ, такъ и стрѣлы уносятся вѣтромъ; ср. вѣтри вѣютъ съ моря стрѣлами.»

На основаніи сближенія сыпанья и литья, стрѣлы сближаются съ дождемъ: «прыщи стрѣлами на вои», «ити дождю стрѣлами» (Слово о полку Игор.). Разеутися стрѣлами», однимъ словомъ: разстрѣляться.

И тутъ воры разбойники испугалися,

По дикой стѣнѣ разстрѣлялися,

По камышнички расширялися (Чт. Об. Н. и Д. Р. 1859, III, 127).

Всѣ станишники перпугалися,

Во легкія во лодки пометалися.

По синему по морю разстрѣлялися (Тамъ же 128).

²⁰⁰ Рѣчн. Варица.

²⁰¹ Рѣчн. Божать.

годъ, хотя бы во все лѣто не было ни одной капли дождя.²⁰² Въ Славоніи на первый день Рождества хозяинъ окропляетъ водою поля и виноградники (для урожая). У кого есть пчелы, тѣмъ очень нужна Рождественская вода во время ройбы.²⁰³ Тамъ же на Крещенье окропляютъ водою скотъ и птицу;²⁰⁴ у Чеховъ хозяйки свяченою Крещенскою водою окропляютъ цыплятъ.²⁰⁵ Крещенская вода исцѣляетъ всѣ недуги. По этому Сербь, Хорваты, Русь и Чехи до сихъ поръ купаются на Крещенье въ проруби, или, по крайней мѣрѣ, умываются Крещенскою водою. Есть извѣстія, что въ проруби купали даже больныхъ дѣтей. Богоявленскою водою окропляютъ скотъ во время падежа.²⁰⁶ Такую же цѣлебную силу имѣетъ и Крещенскій снѣгъ.²⁰⁷ Силу эту получаетъ вода въ самую полночь подъ Рождество, или Крещенье. На канунъ Крещенья волнуется вода въ самую полночь, какъ объясняютъ, по тому, что въ это время крестился Христосъ.²⁰⁸ У Нѣмцевъ Heiwag (heila-wâc heilwâc, heilwoege, heilwage, цѣлѣбная волна), вода зачерпнутая изъ колодца въ полночь на Рождество, или Крещенье, исцѣляетъ раны и болѣзни и не портится. «Въ этомъ вѣрованіи, говоритъ Гриммъ, видно древнее смѣшеніе языческаго съ Христіанскимъ. Народъ до сихъ поръ вѣритъ, что на Рождество, или на Свѣтлый Праздникъ²⁰⁹ въ полночь вода въ колодезяхъ превращается въ вино. Это основано на томъ, что божественность Спасителя впервые проявилась на бракѣ въ Канѣ, гдѣ вода превращена въ вино, Рождество же и Крещенье — праздники Богоявленія» (проявленія Божества.²¹⁰ Но намъ кажется болѣе вѣроятнымъ что вліяніе Христіанства на это вѣрованіе не такъ сильно, что Христіанство только не мѣшало

²⁰² Сах. Ск. Р. Н. 2, 7, 3.

²⁰³ Піс, 100.

²⁰⁴ Тамъ же 103.

²⁰⁵ Suml. I, 391.

²⁰⁶ Піс 107, 109 Кар. Рѣчн. Богоявл. Терещ. VII, 41 — 42. Носѣка III, 182.

²⁰⁷ Сах. Ск. Р. Н. 2, 7, 5.

²⁰⁸ Тер. VII, 42.

²⁰⁹ Последнее вѣрованіе менѣе распространено. Wolf, Beitr.

²¹⁰ Grimm, Myth 331 — 332.

сохраненію языческихъ повѣрьевъ. Если на Рождество вода превращается въ вино, по тому что она превращена въ вино въ Канѣ, то какъ объяснить Христіанствомъ то, что, по Нѣмецкому повѣрью, въ ночь на Рождество всѣ деревья превращаются въ розмаринъ, растеніе, посвященное Богу Фрѣ?

«Alle wasser wein,

Alle bäume rosmarein.» ²¹¹

Въ одну изъ священныхъ ночей не только вода волнуется, или становится виномъ (по Общеславянскому вѣрованію), раскрывается небо, (по Серб.) исполняются высказанныя въ эту минуту желанія, скотъ получаетъ даръ слова (Общеслав. и Нѣм.), деревья разцвѣтаютъ и даже приносятъ золотые плоды (Слав. и Нѣм.). Все это удобіе объяснить посѣщеніемъ земли языческими богами. Мысль, настроенная рожденіемъ солнца или его поворотомъ, предупреждаетъ теченіе времени и, среди зимнихъ снѣговъ, видимъ полное развитіе усыпленныхъ зимою силъ природы, лѣто и рай на землѣ.

Варенье каши, обсыпанье и обливанье столько же Рождественскіе обряды, сколь и свадебные. Второй день Рождества называется въ Курской Губерніи бабьи каши; свадьба называлась прежде просто кашею: «оженися Князь Олександръ (Невскій 1239 г.) и вѣнчася въ Торопчи, ту кашю чини, а въ Новѣгородѣ другую.» ²¹² Такое названіе отъ обычая кормить кашею молодыхъ. Такъ, на другой день послѣ свадьбы, Князь Василій Ивановичъ (1526) съ женою ходилъ въ мыльню; тамъ новобрачные ѣли кашу въ постели. ²¹³ По описанію свадебныхъ обрядовъ второй половины XVII вѣка, къ новобрачнымъ на подклѣтъ ѣсть приносятъ каши, и они кашу черпаютъ и за себя мечутъ, что, какъ справедливо замѣчаетъ Буслаевъ, указываетъ на посѣвъ и плодо-

²¹¹ Wolf, Beitr. II, 124 — 125.

²¹² Академ. Словарь.

²¹³ Тер. II, 53.

родіе. Для насъ это новое подтвержденіе связи каши и обсыпанья.

Извѣстенъ повсемѣстный обычай обсыпанья молодыхъ. Время, когда именно обсыпаютъ, для насъ не имѣетъ особенной важности. Въ старину молодыхъ обсыпали и передъ отправленіемъ къ вѣнцу, и по выходѣ изъ церкви, по входѣ въ домъ, и передъ входомъ въ сѣнникъ, потомъ на другой день, по выходѣ молодыхъ изъ бани. Теперь мѣстами — и передъ отправленіемъ къ вѣнцу, и по возвращеніи,²¹⁴ но большею частью только по возвращеніи. Довольно, что это столь же существенно необходимый брачный обрядъ, какъ печенье корова и покрыванье невѣсты. Значеніе обсыпанья видно изъ пѣсни, которую поютъ въ то время, какъ мать обсыпаетъ молодыхъ:

Ой сыпь, матѣнко, овесець,
Щобъ нашъ овесець рясець бувъ,
Щобъ нашъ Юрасько красець бувъ!
Ой сыпь, матѣнко, пшеничку,
Щобъ наша пшеничка рясна була,
Щобъ наша Маруся красна була!²¹⁵

Цѣль обсыпанья здѣсь двойная: чтобъ хлѣбъ родился колосистый, и чтобъ сохранялась красота (и здоровье) молодыхъ. Такая двойственность одна можетъ навести на мысль, что обсыпанье есть символъ такого явленія природы, которому равно приписывалось и плодородіе земли и плодородіе людей. Относительно связи обсыпанья и посѣва ср. слѣдующее: въ Орловской Губерніи передъ отправленіемъ къ вѣнцу поютъ:

Поѣзжайте, бояре, снимайте соболя шапки,
Вы хватайте, бояре, хмелиныя перья!

При этомъ обсыпаютъ шапки зерновымъ хлѣбомъ (хотя этотъ обрядъ зовется хмелемъ, и хотя объ обсыпаньи хмелемъ говоритъ пѣсня), а зерна, попавшія въ шапку, берегутъ для посѣва,²¹⁶

²¹⁴ Бусл. Очерки I, 47 — 8.

²¹⁵ Метл. 192.

²¹⁶ Терещ. II, 202.

какъ зерно, которымъ посыпають на Новый Годъ. Значеніе обряда въ существенномъ не измѣняется, посыпають ли овсомъ и пшеницею, символами жениха и невѣсты, или хмелемъ съ овсомъ,²¹⁷ ячменемъ, пшеницею и хмелемъ,²¹⁸ однимъ хмелемъ,²¹⁹ или деньгами.²²⁰ Въ обыпаньи деньгами значеніе богатства, разумѣется, замѣтнѣе другихъ предшествующихъ.

По поводу обыпанья деньгами сдѣлаемъ слѣдующее отступленіе. Въ Славянской поэзіи очень обыкновенны и разнообразны переходы мысли отъ брака къ смерти и на оборотъ. Къ приведеннымъ нами въ другомъ мѣстѣ сближеніямъ пира-брака и битвы-смерти, женитьбы и смерти въ водѣ,²²¹ здѣсь прибавимъ еще коечто. У Чеховъ и Нѣмцевъ есть примѣта, что если снятся похороны, то будетъ свадьба, или другая радость, и на оборотъ.²²² Смерть есть бракъ съ землею, ямою.²²³ Согласно со всѣмъ этимъ

²¹⁷ Тер. II, 437, 286.

²¹⁸ Тамъ же 271.

²¹⁹ Тамъ же 38, 204, 359. Метл. 190. Хмель есть символъ жениха, слѣд., мужскаго, оплодотворяющаго начала, но вмѣстѣ и богатства, котораго желаютъ молодымъ при обыпаньи (Тер. II, 286) и которое, кажется, сближается съ хмелемъ въ слѣдующей пѣснѣ:

Какъ за Волгою яръ хмель
Подъ кусточкомъ вьется,
Перевился яръ хмель
На нашу сторонку.
Какъ на нашей ли сторонкѣ
Житье пребогато и пр. (Тер. VI, 137.)

²²⁰ Тер. II, 38.

²²¹ О нѣкот. симв. 14—15, 119—120, 170.

²²² Houška III, 31. Wolf, Beitr. I, 211, 213. Ср. Малорусск.:

«Сусѣдоньки-голубоньки! дивный ми сонъ сився,
Що сей ночи о півночи синъ Якимъ женився.
— Самаесь, стара пенько, сей сонъ одгадала,
Що вже твого сина Якима на свѣтѣ не має.

(Rulikow. Op. Pow. Was. 189).

²²³ Метл. 423—424, 448. Србск. пѣсм. I, 472, 486, II, 41.

и похороны, по крайней мѣрѣ, холостыхъ и незамужнихъ, представляются свадьбою, о чемъ говоритъ слѣдующее интересное извѣстіе: «До сихъ поръ думаютъ (на Подолѣ), что умирающимъ «безъ дружины» нѣтъ мѣста «на томъ свѣтѣ», и по тому похоронъ парубка нѣсколько походить на свадьбу: кѣткы, вѣнокъ, хусткы. Мнѣ помнится, что похоронъ парубка, или «дѣвки вѣдланицы», называютъ весѣльемъ: «Давъ Богъ весѣлья». Кромѣ того, что умершей дѣвушкѣ прикалываютъ два вѣнка и даютъ хустки несущимъ короги, для нея «на той свѣтѣ» назначается женихъ. Какой ни будь парубокъ, большею частію, любившій покойницу, «оббираетца за молодого»; ему перевязываютъ руку хусткою, и въ такомъ видѣ онъ провожаетъ покойницу до хаты.²²⁴ Послѣ этого въ семействѣ умершей онъ считается зятемъ и въ общемъ мнѣніи

²²⁴ «Хаты наши на цвинтарѣ», говорилъ мнѣ крестьянинъ въ Ольгопольскомъ Уѣздѣ, «а васъ прося до курѣня.» Прим. авт. Мы отъ себя прибавимъ къ этому сближенію дома и гроба слѣдующее: Малорос. домовина, собств. домъ, но теперь повсемѣстно — гробъ. Гробъ противоплагается дому, а это предполагаетъ сравненіе: «Ближе самъ гробу, него дому», рече у разговоръ старъ чоекъ (Срб. посл. 16). Въ пѣсни отецъ изъ гробу говоритъ дочери:

Ой радъ же бѣ я, дитя мое,
До тебе встати, тобѣ порядокъ дати,
Да сырая земля двери залягла,
Оконечка закленила.

(Метл. 150). Ясно, что гробъ представляется здѣсь домомъ. Быть можетъ съ такимъ взглядомъ связано то, что веревя загадывается такъ: «Круть-верть—у черепочку смерть.» Не рѣдко слова постоянно рѣмуются, по тому что представленія ихъ связаны между собою. По тому стоитъ замѣтить рѣму заперти (двери) и смерти.

Заскрипѣли ворѣтоньки, бо були заперты;
Кого люблю, не забуду до самой смерти.

(Метл. 16, 62, 63; З. о Ю. Р. II, 250). До долу (въ собственномъ смыслѣ и въ смыслѣ «въ могилу») рѣмуются съ до дому:

Спѣвали дѣвочки, спѣвали,
У решето пѣсней складали....
Звалили решето до долу;
Часть вамъ, дѣвочки, до дому.

(Макс. Дни и Мѣсяс. I, 68). Въ пѣсни, которая поется, когда на свадьбѣ хоронятъ калину (символь дѣвства):

кажется вдовцомъ». ²²⁵ Такимъ взглядомъ объясняется то, что въ Сербіи посыпаютъ деньгами не только скриню неvěсты, но и гробъ умершей дѣвицы:

Саранише ліепу девојку,
Откуда се ясно сунце радя;
Посуше е грошмъ и дукатимъ. ²²⁶

Менѣ чѣмъ обсыпанье извѣстенъ тождественный съ нимъ по значенію обрядъ обливанья молодыхъ. Въ Галицкой Руси передъ отправленіемъ молодыхъ къ вѣнцу поютъ:

Кропи насъ, матинойку,
Свечену водойку
Въ добрую долейкою (?). ²²⁷

изъ чего можно понять, что окропление даетъ молодымъ долю. Въ Малороссіи мать молодой встрѣчаетъ Князя, по возвращеніи его отъ вѣнца, въ вывороченной шубѣ, ²²⁸ сидя на вилахъ, или на кочер-

Передъ порогомъ могила,
А въ той могилѣ калина,
Спустили гѣлечку до долу,
Часть вамъ, дѣвочки, до дому (Метл. 211).

²²⁵ Основа 1861, кн. II. Свидницкій, Великость у Подолянъ 52, 53. Ср. Квѣтка, I, 110 и слѣд. З. о Ю. Р. II, 290.

²²⁶ Срб. пѣсм. I, 321.

²²⁷ Pauli I, 78.

²²⁸ Свадебная пѣсня говоритъ, что теща наряжается въ шубу, чтобъ испугать зятя: «Вубразася теща увъ овчинки, Для зятіи причинки, Да хотѣла зятя злякати, Не хотѣла дочки оддати» (Метл. 190). Это объясненіе позднѣйшее; болѣе древнее и вѣрное состоитъ въ томъ, что мохнатъ значитъ богатъ (собака ко снать, ему же тепло; мужикъ богатъ, ему же добро), и что, стало быть, въ шубу одѣвается теща для богатства молодыхъ. Сравн. слѣдующее: «Ходятъ ночью къ банѣ, и пришедъ отворятъ у оной, двери, и оборотившись задомъ къ двери и открывъ задницу, поклоняются и гадаютъ: «Жени меня, мани меня куннымъ хвостомъ по голой задницѣ,» и когда почувствуютъ, что прикоснулось къ ней нѣчто мохнатое, то значитъ жить богато, а когда что холодное, то бѣдно» (Абевега 132). «Когда сажаютъ курицу на яйцы, то онныя яйцы должно класть подъ нее изъ шапки, или изъ другаго мохнатого, а отъ того вѣрять быть многочисленному

гѣ, и держа въ рукахъ горшокъ съ водою и овсомъ. Зять, взявъ отъ нея горшокъ, выливаетъ воду на гриву своей лошади.²²⁹ У Болгаръ передъ отправленіемъ молодого за невѣстою, соблюдается такой обычай: выходя на дворъ, свахи берутъ ячмень, мать жениха — пшеницу, отецъ же — ведро воды; свахи бросаютъ ячмень черезъ повозку съ одной стороны, а мать бросаетъ съ другой пшеницу, отецъ же черезъ всю повозку брызгаетъ водою, приговаривая при этомъ: «Дай имъ, Боже, свою благодать, чтобы за что ни взяли, шло имъ благополучно, и дай имъ счастье въ хлѣбопашествѣ!»²³⁰

Съ приведенными обычаями связанъ обычай бить горшки. «Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Малороссіи былъ обычай, что молодой послѣ первой ночи разбивалъ палкою на дворѣ горшокъ каши, а дружка добивалъ его.»²³¹ Тамъ же въ Воскресенье передъ вѣнцомъ «вынесутъ молодому хустку червону (обыкновенно, это символъ дѣвства невѣсты) и горсть хмелю; возьмутъ хмель, тамъ у ногъ высыплютъ зъ горсти ему, молодому; старшій Бояринъ перекине горсть черезъ хату....»²³² Когда молодой приходитъ въ домъ невѣсты и мать послѣдней встрѣчаетъ его съ водою и

плоду; для большаго жъ плодородія нерѣдко хозяйка прикладываетъ оныя яйца къ своему причинному мѣсту» (Абев. 260. Сравни.). Тер. VII, 46. Вѣроятно, по той же причинѣ коня кормятъ изъ рукавицы, посыпаютъ на Новый Годъ, или Рождество, изъ рукавицы же (Сах., Ск. Р. Н. 2, 7, 54). Велятъ стричь ребенка въ первый разъ на шубѣ: богатъ будетъ (Тер. VI, 29). Въ Малороссіи въ первый разъ стригутъ ребенка (обыкновенно по 2-му году), подложивши «повѣсно конопель, або кожухъ, що бъ бувъ косматы й.» Приведши изъ церкви новобрачныхъ, сажаютъ ихъ на бараньей овчинѣ длинной шерсти, желая имъ жить богато (Сах. Ск. Р. Н. 2, 7, 66; Тер. II, 181—182, 196, 269—270). Очень важно, что еще въ Ведахъ туча (ниспосылающая дождь, урожай, плодородіе женъ, богатство) представляется косматой шкурой, или коровьей кожей. Съ этимъ послѣднимъ можетъ быть связано то, что теща, пугая зятя, сидитъ на вилахъ, изображающихъ рога.

²²⁹ Тер. II, 317.

²³⁰ Обыч. Болг. Княжеск. 73.

²³¹ Тер. II, 32 — 33

²³² Метл. 190.

овсомъ, зять, взявъ отъ нея горшокъ и выливши изъ него воду на гриву своей лошади, передаетъ его старшему Боярину, который бросаетъ этотъ горшокъ въ сторону и замѣчаетъ: если расшибется, то родится сынъ, а когда уцѣлѣетъ — то дочь.²³³ Въ Великороссіи бьютъ горшки послѣ первой ночи, когда молодые въ бани, или же — приглашая родителей молодой на гарный столъ. Въ послѣднемъ случаѣ этимъ битьемъ воздается честь родителямъ.²³⁴ Въ Германіи бьютъ старые горшки передъ свадьбою (am Polterabend); передъ дверьми невѣсты: чѣмъ больше черепковъ, тѣмъ больше счастья.²³⁵ Все это имѣетъ отношеніе къ потерѣ невѣстою дѣвства.

Извѣстно, что во многихъ мѣстахъ родителямъ, которые не умѣли сберечь дочери до вѣнца, даютъ на свадьбѣ пить изъ разбитаго, или дыряваго, сосуда.

Если битье горшковъ только внѣшнимъ образомъ соединено съ обсыпаниемъ и пр., то все же слѣдуетъ обратить вниманіе на этотъ обычай по тому, что онъ роднитъ бракъ съ похоронами съ одной стороны и съ Рождественскими обрядами съ другой. «Въ Приднѣстровскихъ деревняхъ, при выносѣ мужа изъ дому, жена бьетъ новый горшокъ и по всему дому насыпаетъ овсомъ.»²³⁶ Авторъ говоритъ, что «безъ сомнѣнія этимъ означается упадокъ хозяйства по смерти мужа»; по такое объясненіе невѣрно уже по тому, что битье горшка соединено съ насыпаниемъ, котораго значеніе мы видѣли выше. По нашему мнѣнію, и здѣсь похороны представляются свадьбою. На Святъ Вечеръ, послѣ ужина, мушны выносятъ на дворъ опорожненные горшки и разбиваютъ ихъ объ землю, или, поставивъ на землю, бьютъ издали палками, чтобы изгнать изъ дому недостатокъ.»²³⁷

²³³ Тер. II, 517.

²³⁴ Тамъ же 228, 362.

²³⁵ Kuhn u. Schw. Nord. Sag. 434.

²³⁶ Шейков. II, 6, 31.

²³⁷ Терещ. VII, 63.

б) У Славянъ и Германцевъ есть обычай покрывать на Сочельникъ полъ избы и столъ, на которомъ ѣдятъ, соломою, или, какъ въ Бѣлой Руси и на востокѣ Малороссіи, сѣномъ. Соломы этой не выносятъ въ теченіи трехъ дней, недѣли, или даже двухъ, что говоритъ объ отношеніи обряда ко всему святочному зимнему времени. Значеніе этой соломы видно изъ слѣдующаго: У Сербовъ нѣкоторые носятъ солому Рождественскую на нивы, чтобъ лучше родили, у Хорватовъ ее или сожигаютъ, или выносятъ въ сливные сады для урожая; ²³⁸ Словаки для того же обязываютъ всѣ плодовые деревья, то же въ большой части и Германіи. ²³⁹ «У очи Божитя, пошто се баддьяци унесу у кутю и наложу на ватру, узме доматица сламе и квочути (а за нѣмъ дѣца піючути (пища какъ цыплята), простре по соби, или по кути, ако нема собе. Потомъ узму неколико ораха ²⁴⁰ и баце по слами. Одъ сламе, съ коѣмъ се на бадній данъ квоче и піюче, остави доматица нешто, па кадъ насадюе кокоши, подъ сваку метне по мало (чтобы хорошо неслись). Оно уже (перевесло? веревки?), у коему се слама донесе, не раздріеши се, него се само распусти, па се на Божить у ютру предъ кутѣмъ баци по нему жита, те кокоши зоблю, а доматица рекне: «Како ми у скупу зобале, тако ми у скупу носиле». ²⁴¹ Сравните подобный Чешскій обычай съ цѣпью отъ воза, или обручемъ. Въ Малороссіи выбирается сѣно «безъ бадилья», не тронутое ни человѣческою, ни скотскою ногою и, послѣ трехъ поклоновъ передъ образами, разстилается мальчикомъ на покутѣ. За тѣмъ мальчикъ переноситъ съ припѣчка горшки съ кутею и узваромъ, покрываетъ ихъ парюю хлѣбовъ; оттуда же беретъ и ставитъ на покутя миску съ сотами. Неся кутю на покутя, мальчикъ долженъ квохтать, какъ квочка. Квоктать должны и другіе мальчики, если при этомъ случатся, но женщины и дѣвчата ни подъ какимъ видомъ не должны квоктать. ²⁴² На Подолѣ

²³⁸ Піе 101.

²³⁹ Wolf, Beitr. I, 121,

²⁴⁰ Орѣхъ у Германцевъ посвященъ грому, у Славянъ — лещина.

²⁴¹ Карадж. Рѣчн. Божить:

²⁴² Основа, 1861, Май. Рѣздв. святк. Номиса 62.

дѣвицы, или кто другой, квокчетъ въ соломѣ, чтобъ куры квокали.²⁴³ Въ Швеціи солому, которою устилается полъ церкви на Рождествѣ, даютъ коровамъ отъ болѣзни, кладутъ подъ наѣдокъ, для предохраненія ихъ отъ хорьковъ, выносятъ на поля и обвертываютъ ею плодовые деревья для урожая.²⁴⁴ Въ Славоніи этою соломою гадаютъ о долголѣтіи: во время обѣда вытягиваютъ изъ подъ скатерти, или мѣшка, которымъ покрытъ столъ сверхъ соломы, соломины, и чья длиннѣе, тому дольше жить.²⁴⁵

Солому, постилаемую наканунѣ Рождества, называютъ на Подолѣ дѣдухъ, по другимъ дѣдухъ. Шейковскій сближаетъ это слово съ названіемъ поминокъ: дѣды (ср. Скр. Питрі, им. мн. ч. питарас, собственно отцы, потомъ предки, покойники).²⁴⁶ Сближеніе тѣмъ болѣе вѣроятное, что канунъ Рождества есть, какъ видно изъ Малорус. обрядовъ, своего рода поминальный день.²⁴⁷ Такъ какъ Рождество есть по преимуществу семейный праздникъ (что видно, изъ обычая ѣсть кутю при возможно полномъ сборѣ семьи, изъ того, что дѣти носятъ кутю и узваръ дѣду и бабкѣ, если ихъ не было на кутѣ, и прежнимъ родителямъ), то поминаніе мертвыхъ на кутю причисляетъ, значить, и ихъ къ семьѣ. Сознаніе тѣсной связи между живыми и мертвыми проявляется и въ другихъ случаяхъ. Безсмертіе души есть догматъ, какъ извѣстно, съ незапамятныхъ временъ существовавшій въ Индоевропейскомъ язычествѣ.

Устиланье полу соломою имѣетъ мѣсто и на свадьбѣ въ Нерехот. Уѣздѣ Костромской Губерніи. «Когда женихъ поѣдетъ въ церковь вѣнчаться, дѣти обоюго пола приносятъ съ собою въ тотъ домъ по снопу соломы и разстилаютъ ее по полу, оставивъ ее

²⁴³ Тамъ же Дек. Велик. Свят.

²⁴⁴ Wolf, I, 121.

²⁴⁵ Иіс 101.

²⁴⁶ Шейк. Быть Подол. II, 71. Онъ основываетъ связь соломы и поминки на связи соломы съ кашею и каши съ поминками.

²⁴⁷ Основа 1861. Май, Рѣздв. св. 63 — 66.

тутъ до трехъ сутокъ; при этомъ кормятъ ихъ кашею.»²⁴⁸ Сравните обычай ставить кутю на сѣнѣ. Молодыхъ сажали, или и теперь сажаютъ, въ углу, подъ иконами (Малорос. на покутѣ), на ржаныхъ снопахъ.²⁴⁹ Постель молодыхъ для первой ночи стелется на 27 (тридцати) ржаныхъ снопахъ.²⁵⁰ Ближайшее значеніе соломѣ здѣсь должно быть такое же, какъ и въ Рождественскомъ обрядѣ, т. е., изобиліе плодовъ. Что же касается до основнаго представленія ея, до связи съ другими обрядами, то ихъ слѣдуетъ искать при помощи языка.

Слова солома нельзя производить отъ кор. Старосл. стрі (sterno, сторѣнути, стелю), по тому что т должно бы удержаться въ Славянскомъ словѣ, какъ удержалось оно въ сторона. Въ фонетическомъ отношеніи не встрѣчаетъ препятствій сближеніе съ Скр. кор. сал. Боппъ приводитъ четыре значенія глаг. сал. (I атм.): *ire, se movere, vacillare, sternere*; такимъ образомъ солома, *salamus, halm*, можетъ значить или то, что идетъ, т. е., побѣгъ, отростокъ, или колеблющееся, гибкое, какъ представляется, на пр., очеретъ въ Малорос. загадкѣ: «Стоить дѣдъ надъ водою, коливаетъ бороною», или, наконецъ, то, что простиается. Это послѣднее предположеніе считаемъ наиболѣе вѣроятнымъ, судя по мѣсту, которое занимаетъ слово солома въ ряду другихъ сродныхъ словъ. Связь представленій соломѣ и вершины видна изъ того, что при Лат. *salamus* (между прочимъ, солома), *culmus* (стебель соломѣ) стоитъ *culmen*, вершина, и при Слав. слама, Старос. слѣ-мѣ, Серб. слеме, шлеме, Старочеш. slémě, *culmen testis*, Польск. *ślemię, szlemię*, поперечное бревно, перекладина, Руск. шеломъ, верхній кровельный брусъ, шеломъ, накладной жолобъ на дому (Нижегор.), шеломъ, повѣтъ (Тв.), шоломя, мѣсто, пристанище, пріютъ (Арх.) и холмъ (тамъ же; ср. Сл. о полку Игоревѣ), шеломъ, утесъ (Каз.); ср. Лит. *szalma*, длинное бревно, перекладина, и *kal-nas*, гора и всякое возвышеніе, *kalw*, холмъ. Уже въ нѣкоторыхъ значеніяхъ приведенныхъ

²⁴⁸ Діевъ. 26.

²⁴⁹ Тер. II, 39.

²⁵⁰ Тамъ же, 53, 193, 205; ср. 361.

словъ, на пр., знач. повѣть, пріютъ, видна связь пребыванія сверху, или возвышенія съ покровеніемъ; еще вѣроятнѣе эта связь въ Слав. шлѣмъ, шеломъ, Литов. szalmas, Нѣм. helm (собствен. покровъ?), а особенно въ слѣд. Герм. словахъ того же корня: Древненѣм. hēlan, celare, Гот. hali, tartarus, caverna (скрывающее). Древненѣм. helian, velare, покрывать, Гот. hulian, Нѣм. hüllen, osculere, Сканд. hulja, tegere, Древненѣм. heli, velamentum, сравн. gehilwe, nubes т. е., то, что покрываетъ небо.²⁵¹ Можетъ быть, значеніе пребыванія сверху, вершины, развилось изъ значенія покровенія, т. е. (судя по Скр. çal., sternere), простиланья, можетъ быть, на оборотъ, второе изъ перваго. Довольно, что соединеніе въ одномъ корнѣ значеній halm, hüllen, gehilwe могло подать мысли поводъ представлять соломѣ символѣмъ того же явленія, которое изображалось обрядомъ покровенія.

Покровеніе есть общеизвѣстный символъ брака. У всѣхъ Славянъ и др. Индоевропейцевъ замужнія женщины ходятъ съ покрытою головою, въ отличіе отъ дѣвицъ. Нѣкоторыя подробности обряда покрыванья можно видѣть изъ слѣдующаго: «Послѣ вѣчанья надѣваютъ на молодую въ притворѣ, сначала кошникъ, въ которомъ она сидитъ за свадебнымъ столомъ, а потомъ сваха накидываетъ на ея голову наметку, и въ этомъ уборѣ везутъ ее съ женихомъ домой. Тутъ въ дверяхъ встрѣчаютъ ихъ сваха въ надѣтой на выворотъ шубѣ и старается испугать молодую, чтобъ она была боязливая и почтительная.²⁵² Отецъ, или мать, бросаетъ въ лицо соль, чтобы предохранить новобрачныхъ отъ раздора,²⁵³ или отецъ слегка бьетъ плетью по спинѣ новобрачной три раза, чтобъ она забыла прежнихъ жениховъ и любила одного мужа. Молодые кланяются своимъ родителямъ, а послѣ сваха беретъ невѣсту за руку и окручаетъ²⁵⁴ ее слѣдующимъ

²⁵¹ Grimm, Deut. Gram. 29.

²⁵² О значеніи шубы см. выше.

²⁵³ Можетъ быть, для предохраненія отъ призора. Соль—средство отъ всякихъ темныхъ силъ. Впрочемъ, рассыпать соль значитъ, что будетъ ссора.

²⁵⁴ Въ словѣ окручать и въ сродныхъ соединяются представленія заплетанья (косы), одѣванья и брака; окручаться, вообще одѣваться, наряжаться,

образомъ. Сваха прилѣпливаетъ къ стѣнѣ вѣнчальныя зажженные свѣчи, и сажаетъ подъ ними новобрачныхъ на овчинѣ. Потомъ двѣ свахи, одна со стороны невесты, другая со стороны жениха, расплетаютъ косу молодой и плетутъ внизъ подъ руку въ двѣ косы. За симъ накидываютъ на молодую повойникъ, и съ тѣхъ поръ она не можетъ ходить простоволосою даже при родныхъ; ходить безъ повойника считается за великій грѣхъ». ²⁵⁵ Въ Мало-росіи расплетаетъ косы молодой братъ, или сестра, или тетка, ²⁵⁶ потомъ заплетаютъ эти косы не по дѣвичьи; ²⁵⁷ «завивайло» (наметку?) вносятъ въ избу въ одно время съ короваемъ. ²⁵⁸ Въ Галицкой Руси и въ Польшѣ невеста во время расплетанья и покровенія сидитъ на дежѣ ²⁵⁹ Вечеру перваго дня свадьбы «двѣ свахи спѣвають: «Я жъ тебе, сестрице, начинаю» и пр., и подносятъ наметку на головѣ такъ разъ у разъ. Берутъ трѣшки лѣну и завиваютъ ей разомъ изъ косою, щоби больше було косы; хочъ и великіе косы, то завше треба той лѣнѣ, и то называетця зачѣска та кичка. По кичцѣ кладутъ каптуръ, якъ у другихъ — серпанокъ, чи очѣпокъ.» ²⁶⁰

маскироваться; окрутникъ — наряженный по святочному; скрутиться, собратся, приготовиться (т. е., нарядиться); окручать, переодѣвать невесту въ бабье платье, заплетать ей двѣ косы вм. одной, и вм. платка надѣвать на голову кокошникъ, или сборникъ; скрутить, окрутить, тоже скрута, головной уборъ невесты и приданое; самокрутка, сама себя окручающая, тайно и безъ согласія родителей вышедшая за мужъ (ср. Малор. покрывка, незамужняя женщина вообще, и родившая до брака, незаконно покрывая).

²⁵⁵ Тер. II, 182.

²⁵⁶ Метл. 204 — 206.

²⁵⁷ «Не плети кѣсоньки у трое, заплети кѣсоньку въ дробушки.» Тамъ же.

²⁵⁸ «Дружбонько... несе коровай на вѣцѣ (на вѣкѣ дежи), Бѣлее завивайло на тарильцѣ.» Тамъ же 207.

²⁵⁹ Pauli, P. L. R. I, 65. Въ Польшѣ во время «oczepin» (серпін) поется:

Zakukała kukaweczka na wieży,
Zapłakała Marysieczenka na dzieży. Wójcicki. II, 26.

²⁶⁰ Метл. 209. Кичка (ср. Старосл. кыкъ, capilli), кажется, значить и головной покровъ, то же, что Великор. кики-болка (кокошникъ, въ первый разъ

Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, на другой день свадьбы, надѣваютъ на молодую очёпокъ и наметку съ красною вокругъ головы лентою и приводятъ молодыхъ на паперть. Попъ беретъ ново-

надѣваемый на молодую), шлыкъ, волосникъ. Кромѣ того, мифическое значеніе покровенія, о которомъ будетъ рѣчь ниже, есть еще и другое: головной покровъ, скрывая волосы, лишаетъ молодую всего, что соединялось съ дѣвичьей косой. Значеніе же косы видно изъ слѣдующаго:

Коса—дѣвья красота: «Якъ жаль менѣ русои косы и дѣвоцкои красы.» Метл. 152. «Разстаюсь съ тобою, косонька, разстаюсь съ дѣввѣй красотою.» Гуляевъ 26. «Приступи, родимый батюшка, ко моей-то-ли дѣввѣй красотѣ, расплети трубочату косу!» Тамъ же. «Вы красуйтесь, красны дѣвицы, во своей-то дѣввѣй красотѣ; Ужъ какъ я открасовалася: Не плести ужъ мнѣ русои косы, Не носить мнѣ алой ленточки.» Тамъ же 29. «Ты коса ли моя, косонька, ты коса ли дѣвья, красота! Меня красила ты, косонька, въ ясный день передъ солнышкомъ, темной ночью передъ мѣсяцомъ.» Тамъ же, 46.

Волоса—красота, гордость. Сочетаніе представленій красоты и гордости находимъ въ слѣд. словахъ: Басить, баситься (собств. свѣтить), красоваться (Мр. басувать), и гордиться; чепуриться (съ различнымъ удареніемъ въ разныхъ мѣстностяхъ), щеголевато одѣваться и важничать; ченужиться, рядиться и величаться; чечениться, щегольски наряжаться и церемониться, чваниться; топорщиться, щегольски наряжаться и чваниться; хазѣть, щеголь, франтъ и гордецъ, нахаль; хазить, щеголять и хвастаться, гордиться.

Соединеніе всѣхъ трехъ представленій (волосъ, красоты и гордости), или только перваго съ послѣднимъ, видимъ въ слѣдующемъ: кыкъ, волоса, Серб. кика, коса, Серб. кицошъ, франтъ, кицошитисе, наряжаться, франтить, Старосл. кѣунити сѧ, гордиться; Польск. *warkocz*, коса. Серб. вркочъ, щеголь, вркочити се, као поносити се (*jure gloriari*), или кицошити се; Чеш. *chlup*, короткіе волоса на тѣлѣ (ср. *chlup*, кусокъ, Русск. хлопья и пр.), *chlupatý*, волосастый, косматый, Польск. *chłubić się* (ср. *chłubić się*, Чеш. *chlaubiti se*), хвастать, величаться. Впрочемъ, это послѣднее сближеніе требуетъ подтвержденій; въ Санскритскомъ Польскомъ *chłubić się* соотвѣтствуетъ *śalbh*, *gloriari*, при которомъ, однако, не находимъ словъ со значеніемъ волосъ, или шерсти. Тѣмъ не менѣе вѣроятно, что коса есть не только дѣвья красота, но и гордость. Покровеніе косы можетъ находиться въ связи съ тѣмъ взглядомъ, ясно высказавшимся во многихъ народныхъ пѣсняхъ, по которому бракъ для женщины есть потеря воли и гордости: въ Польской пѣснѣ невѣста говоритъ:

O bodaj to, bodaj być dziewczyną sobie,
Niżli służyć, mój Jasieńku, tobie (Wojc. II, 13). Сравни

брачныхъ за руки, вводить въ церковь, читаетъ молитву покровенію (?) головы, потомъ покрываетъ молодую сернанкомъ, окропляетъ святою водою и благословляетъ на новую жизнь.²⁶¹

Символическое значеніе покровенія (но не скрыванія косы, о которомъ въ примѣчаніи) есть здоровье, красота, богатство и плодородіе, что видно изъ слѣдующаго:

О нѣкотор. симв. 147, прим. 2); въ Великороссіи невѣста прямо говоритъ о себѣ, что замужемъ ей «привыкать будетъ (нужно будетъ)

Спѣси-гордости убавити,
Ума-разума прибавити,
Голову держать поклонную,
Ретиво сердце покорное (Гул. 31).

Длинные волосы и борода были у Германцевъ признаками свободного человека. Усыновлявшій другаго стригъ ему волосы, или прикасался къ бородѣ. Побѣжденный врагъ, или несостоятельный должникъ, вручалъ свои остриженные волосы побѣдителю, или вѣрителю, и тѣмъ признавалъ себя его рабомъ. Дитмаръ Межиборскій говоритъ о побѣжденныхъ Лужичанахъ: «*racem abbaso crine supremo et cum gramine datisque affirmant dextris*» (Grimm). Покровеніе косы можетъ имѣть одинаковый смыслъ съ постриженіемъ волосъ. Помнится, что гдѣ-то, при покровеніи молодой, нѣсколько подстригаютъ ей косу.

Покрывая волоса, дѣвица, кромѣ красоты и воли, лишается еще и нѣкоторой, свойственной ей до того, таинственной силы. Вѣдьма чаруетъ всегда простоволосая, чѣмъ объясняется упоминаніе въ заговорахъ простоволосыхъ дѣвокъ, или бабъ. Въ заговорѣ отъ уроковъ: «Отговариваю (имя рекъ) отъ колдуна и колдунницы.... отъ дѣвки самокрутки, отъ бабы простоволоски» (Гул. 51). Простоволосой приписывается сила взростить чудесную траву: «Одоленъ трава! не я тебя поливалъ, не я тебя породилъ; породила тебя мать сыра земля, поливали тебя дѣвки простоволосыя, бабы самокрутки» (Сах. Ск. Р. Н. 1, 2, 20 и др.). Въ Сербской пѣсни дѣвица, думая, что женихъ ее обманулъ, хочетъ мстить ему такимъ образомъ:

Изитію млада гологлава,
Гологлава, косе расплетене,
Куда юнакъ поде по дѣвойку,
Не ка му е несрѣтна дѣвойка (Пѣсн. I, 423).

²⁶¹ Терещ. II, 334.

Я жъ тебе, сестрице, напинаю,
Щастямъ-здоровьямъ надѣляю:
Будь здорова, якъ вода,
А будь богата, якъ земля,
А пригожа, якъ рожа!»²⁶²

Косвеннымъ образомъ это значеніе подтверждается и слѣдующимъ. Листья и по народному взгляду покрываютъ, одѣваютъ дерево. Такъ, на пр., въ Сербской пѣсни:

Зима проде Дюрдевъ данакъ доде,
Те се гора пре одѣне листомъ,
А землица травомъ и цвѣтомъ.²⁶³

На этомъ основаніи брачной покровъ сближается съ зеленью деревьевъ, такъ что послѣдняя служитъ символомъ перваго и брака вообще. Къ сказанному объ этомъ въ другомъ мѣстѣ,²⁶⁴ прибавимъ здѣсь Сербскую пѣсню, которая поется во время покровенія невѣсты:²⁶⁵

Долети листакъ од ника поля,
Паде девайци на зеленъ венацъ,
На зеленъ венацъ, на русу косу.
Ние то листакъ одъ ника поля,
Ветъ е то бела авли-марама,
Бела марама, брига голема,
Да тудю майку майкомъ назове, и пр.²⁶⁶

Обрядъ Православной Церкви сближаетъ бракосочетаніе съ вѣнчаньемъ на царство, и на этомъ основаніи народъ находитъ извѣстныя отношенія между коронаціею и зеленью, покрывающею деревья. «Непросвѣщенные люди вѣрятъ, что ежели Государь коронуется, когда одѣвается листомъ лѣсъ, то во время владѣнія

²⁶² Метл. 208. Связь покровенія и красоты см. въ статьѣ. О нѣкотор. симв. 106.

²⁶³ Сравни. Пис. III, 364.

²⁶⁴ О нѣкотор. симв. 107 — 108.

²⁶⁵ Кадъ дѣвойци метю вателъ на главу.

²⁶⁶ Срб. пѣсм. I, 73.

его Государство будетъ изобиловать всѣмъ, то есть, людьми, хлѣбомъ и богатствомъ; а когда въ то время, когда лѣсъ роняетъ уже свой листь, то не такъ можетъ быть изобильно». ²⁶⁷ Допустивши даже, что зелень стала примѣтою при коронаціи вовсе независимо отъ сравненія коронаціи со свадьбою, мы все же въ правѣ заключить, что листь, какъ символъ брачнаго покрыванья, имѣютъ тотъ же смыслъ, что и упомянутая примѣта при вѣнчаньи на царство.

Покровеніе невѣсты приписано «Св. Покровѣ». Основаніе этого, подобное тому, по которому, на пр., на Симона Зилота ищутъ золота, кладовъ, не исключаетъ другаго, болѣе глубокаго: какъ Св. Власій сталъ покровителемъ скота, по тому что былъ имъ прежде богъ Волось, такъ Покрова=покровительница браковъ, по тому что была нѣкогда богиня, покрывающая дѣвицъ брачною фатою.

Покровъ Пр. Богородицы празднуется 1 Октября, т. е., въ то время, когда начинаются свадьбы между поселянами. Въ этотъ день въ Великороссіи дѣвицы ставятъ свѣчи Матери Божіей и просятъ ее о ниспосланіи жениховъ. Весь день проводятъ они въ своемъ кругу. Если попадетъ къ нимъ случайно молодецъ, то замѣчаютъ его движенія и разговоры и по нимъ судятъ о будущемъ (женихѣ). ²⁶⁸ Въ Галицкой Руси дѣвицы говорятъ:

Святая Покровонько,
Накрый менѣ головоньку,
Та хочъ бы вже й онучью,
Най ся довго дѣвкой не мучу!

Въ Великороссіи невѣста причитаетъ: «Ты, Покровъ Богородица! Покрой меня, дѣвушку, пеленой своею нетлѣнною иги на чужую сторону! Введенье мать Богородица! Введи меня на чужую сторонушку! Стрѣтенье мать Богородица! Встрѣть меня на чужой сторонушкѣ!» ²⁶⁹ Въ Бѣлоруссіи на Покрову дѣвицы, поставивъ свѣчу передъ образомъ Божіей Матери, говорятъ:

²⁶⁷ Абебега 223.

²⁶⁸ Терещ. IV, 59.

²⁶⁹ Тамъ же II, 209, 223 — 226.

Святой Покровъ!
 Покрывъ землю и воду,
 Покрый и меня молодую!²⁷⁰

Важнымъ указаніемъ на стихійное значеніе божества, замѣннаго Покровою, служитъ то, что «считается счастливыхъ предзнаменованіемъ для обрученныхъ, если на Покровъ (1 Октября) выпадаетъ снѣгъ. Тогда дѣвицы говорятъ: «Батюшка Покровъ! покрой сыру землю и меня молодую!» Иныя говорятъ: «Бѣтъ снѣгъ землю покрываетъ, не меня ли молодую за мужъ снаряжаетъ?»²⁷¹ Изъ этого видно, что Покровъ представляется здѣсь не согласно съ Христіанскимъ преданіемъ, и что мифическое существо, покрывающее дѣвицъ брачнымъ покровомъ, вмѣстѣ съ тѣмъ покрываетъ землю снѣгомъ.

Выше мы замѣтили связь представленій соломѣ, покровенія и облака въ Нѣм. *halm* и *gehilwe*. Къ этому прибавимъ, что не только снѣжный покровъ земли, сближаемый, какъ мы видѣли, съ покровомъ невѣсты, представляется тканью,²⁷² но также и дымъ, туманъ, облако. Тонкая ткань сравнивается съ дымомъ: «рубочокъ якъ дымъ тонесенькій;» въ Польской сказкѣ дѣвица навиваетъ, какъ нить, на золотой клубокъ синюю мглу, которая подымается изъ ручья;²⁷³ по Нѣмецкому повѣрью вѣдьмы прядутъ горный туманъ; Серб. пѣсня сравниваетъ знамена, слѣдовательно, ткань, съ облаками:

Бойна копля, као чарна гора,
 Све баряци, као и облаци.²⁷⁴

Наконецъ самое слово облако (Обл. Великоруск. оболокъ, Серб. облакъ, Польск. *oblok*) имѣетъ очевидную связь съ тканью и покровеніемъ: оболокаться, одѣваться (ср. въ заговорѣ тождеслов-

²⁷⁰ Тамъ же 473.

²⁷¹ Сах. Ск. Р. Н. 7, 60. Мы ставимъ «снаряжаетъ» (снѣгъ) вм. снаряжаютъ.

²⁷² О нѣкот. симв. 146.

²⁷³ Baliński, Pow. L. Pol. 134 — 135.

²⁷⁴ Србск. пѣсм. II, 313.

ное выражение «оболокусь я оболочками» и пр.), ²⁷⁵ оболочка, платье, одѣяло, волокно, нить и (Олон.) холстъ. ²⁷⁶ Это заставляетъ ожидать сравненія брачнаго покрыва и съ облакомъ. Такое сравненіе дѣйствительно находимъ въ Польск. свадебной пѣсни:

Przykryłosię niebo obłokami
Przykryłosię Marysia rąbkami.

Отсюда выводимъ отношеніе богини, покровительствующей браку, покрывающей невѣсту рубочкомъ и землю снѣгомъ, къ тучѣ.

На связь тучи съ другими несомнѣнными, или предполагаемыми, символами брака, именно съ соломой, зеленью, покрывающею деревья, и покрывомъ невѣсты, указываетъ отчасти и то, что мгла, туманъ, есть, между прочимъ, ²⁷⁷ символъ богатства, счастья; ср. Литовск.

Asz melszczau Dewą per wisą deną
Bent migłotą denele;
Asz melszczau Dewą per wisą deną
Bent bagotą mergytę. ²⁷⁸

(Я бы просилъ у Бога весь день хоть туманнаго денька, я бы просилъ у Бога весь день хоть богатой дѣвицы). Въ Нижнедѣв. Уѣздѣ Ворон. Губ. «на крестинахъ» бабы приносятъ кашу и, приподнимая ее три раза вверхъ, говорятъ: «Какъ въ полѣ туманъ, такъ

²⁷⁵ Туманъ, какъ мракъ, значить, какъ извѣстно, печаль.

²⁷⁶ Гуляевъ 42.

²⁷⁷ Польск. *dziewo-słab*, свать, дружка (д изъ н, какъ, въ *małżonek* изъ *mańzonek*). Чеш. *snaubiti*, *snúbiti*, сватать, *snaubce*=*dziewo-słab* Юнгманъ сближаетъ съ лат. *pubere*, *pubes*. Еще вѣрнѣе въ фонетич. отношеніи будетъ сравненіе съ лат. *nimbus*, фата, покрывало, облако, проливной дождь. Такимъ образомъ с-нѣ-бнѣ (предполагаемое) могло собственно значить покрывать невѣсту, подобно тому, какъ облако покрываетъ небо. Сближеніе Польск. *słab* съ корнемъ л ю б встрѣчаетъ препятствія въ томъ, что нѣтъ другаго примѣра корня л у б (Скр. лубъ) съ носов. звукомъ. Что до перехода кореннаго л въ н, то онъ возможенъ.

²⁷⁸ Wójcicki. Pieśn. II, 77.

²⁷⁹ Nesselm. Lit. Volkslied. 100.

пусть будетъ младенцу счастье и таланъ!»²⁸⁰ Кажется, у Шевченка рѣча: «Ой тумане, тумане, Мой латаный талане», взята изъ народной пѣсни и, подобно нѣкоторымъ другимъ народнымъ рѣчамъ, основана на средствѣ представленій.

Сводимъ черты, собранныя въ этой главѣ:

а) Каша приводится въ связь со Святою Варварою, изъ чего заключаемъ о первоначальной связи каши съ языческою богиней. Греча, изъ которой варится каша, называется княгиней: она, подобно другимъ божествамъ, посящаетъ дома смертныхъ и приноситъ урожай, плодородіе и скота и людей. Съ вареньемъ каши тождественно по значенію обсыпанье, которое, въ свою очередь, сближается съ обливаньемъ. Обряды варенья каши, обсыпанья и обливанья суть символы дождя и воды. Всѣ три обряда (а равно и связанный съ ними обрядъ битья горшковъ) составляютъ принадлежность не только Рождества, но и свадьбы и похоронъ. Слѣдовательно, богиня, которой варила каша, имѣла отношеніе къ дождю и водѣ, къ браку и смерти, имѣющимъ какую-то связь съ Рождествомъ.

б) На основаніи связи представленій соломы и покровенія, сближаемъ Рождественскій и свадебный обрядъ устилання полу соломой съ брачнымъ обрядомъ покрыванья невѣсты. Оба обряда сходны по значенію. Покрыванье молодой приписывается Св. Покровѣ, замѣнившей языческую богиню; оно сравнивается со снѣгомъ, покрывающимъ землю, зеленью, покрывающею деревья, тучами, покрывающими небо.²⁸¹ Снѣгъ и тучи, съ коими приводится въ связь эта богиня, только другая форма дождя и воды, о которыхъ выше.

Въ какомъ отношеніи находится эта богиня къ двумъ другимъ божествамъ, на которыхъ указываютъ другіе Рождествен-

²⁸⁰ Воронежск. литерн. сборникъ 297.

²⁸¹ Есть мифическая связь между листвою древесною и тучами: эти послѣднія сами представляются деревомъ.

скіе обряды, на это мы не нашли яснаго отвѣта въ самихъ обрядахъ. Предположивши, что совокупность Рождественскихъ обрядовъ не есть случайный подборъ, но изображаетъ одинъ мифъ, можно догадываться, что если Божичъ-солнце есть сынъ Бадня-ка-грома, то богиня-туча есть его мать. Достоенъ вниманія послѣдовательно проведенный параллелизмъ между Рождествомъ и свадьбою: Богъ, сковавшій плугъ, славимый на Рождество, вмѣстѣ съ тѣмъ куетъ свадьбы; кабанъ и олень, животные образы солнца, равно относятся и къ Рождеству и свадьбѣ; точно такъ и хлѣбъ коровой; о кашѣ и сродныхъ съ нею обрядахъ сказано выше. Пока намъ не извѣстно такое же полное сходство Рождества съ другимъ годовымъ праздникомъ, мы готовы видѣть въ этомъ сходствѣ указаніе на то, что Рождественскіе обряды изображаютъ бракъ небесныхъ существъ, по образу котораго совершался бракъ земной. На это предположеніе мы смотримъ, какъ на вопросы. Отвѣта на нихъ будемъ искать въ свѣдѣніяхъ, сохранныхъ преимущественно въ сказкахъ о богинѣ, которую мы считаемъ за одно лицо съ найденною нами по Рождественскимъ обрядамъ.

А. Потебня.